

Сергей Юльевич Витте

Воспоминания. Том 3

Сергей Витте
Воспоминания. Том 3

«Public Domain»

1911

Витте С. Ю.

Воспоминания. Том 3 / С. Ю. Витте — «Public Domain», 1911

«17 октября последовал манифест „об усовершенствовании государственного порядка“. Манифест этот, который, какова бы ни была его участь, составит эру в истории России, провозгласил следующее...»

Содержание

Глава тридцать четвертая	5
Глава тридцать пятая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Юльевич Витте

Воспоминания. Том 3

Глава тридцать четвертая

Манифест 17 октября

17 октября последовал манифест «об усовершенствовании государственного порядка». Манифест этот, который, какова бы ни была его участь, составит эру в истории России, провозгласил следующее:

«Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великою и тяжелою скорбью преисполняют сердце Наше. Благо Российского Государя неразрывно с благом народным и печаль народная Его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству Державы Всероссийской. Великий обет Царского служения повелевает Нам всеми силами разума и власти Нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев надлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, Мы, для успешнейшего выполнения общих предназначаемых Нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной Нашей воли:

1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2) Не останавливая назначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку (т. е., согласно закону 6 августа 1905 года, Дума и Государственный Совет).

3) Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед родиной, помочь прекращению неслыханной смуты и вместе с Нами напечь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле».

Одновременно с этим манифестом был опубликован доклад мой, как председателя комитета министров, которому, т. е. мне, Государь Император несколько дней ранее повелел принять меры к объединению деятельности министров впредь до утверждения законопроекта о совете министров. Законопроект этот под заглавием «о мерах к укреплению единства деятельности министров и главных управлений» был опубликован лишь 19 октября и в тот же день я был назначен председателем вновь созданного совета министров. Законом этим в сущности создавался кабинет министров, председателем коего является премьер-министр с правом влияния на всех министров, за исключением министров: военного, морского и, в некоторой степени, министра иностранных дел.

Доклад этот с Высочайшею надписью «принять к руководству», последовавшею того же 17 октября, заключался в следующем:

«Волнение, охватившее разнообразные слои русского общества, не может быть рассматриваемо, как следствие частичных несовершенств государственного и социального устройства, или только, как результат организованных крайних партий.

Корни того волнения залегают глубже. Они в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя и стремится к строю правовому на основе гражданской свободы.

В уровень с одушевляюще благоразумное большинство общества идеею и следует поставить внешние формы русской жизни.

Первую задачу для правительства должно составлять стремление к осуществлению теперь же, впредь до законодательной санкции через Государственную Думу, основных элементов правового строя: свободы печати, совести, собраний, союзов и личной неприкосновенности. Укрепление этих важнейших основ политической жизни общества должно последовать путем нормальной законодательной разработки, наравне с вопросами, касающимися уравнивания перед законом всех русских подданных независимо от вероисповедания и национальности. Само собой разумеется, предоставление населению прав гражданской свободы должно сопровождаться законным ее ограничением для твердого ограждения прав третьих лиц, спокойствия и безопасности государства.

Следующею задачею для правительства является установление таких учреждений и законодательных норм, которые соответствовали бы выяснившейся политической идее большинства русского общества и давали бы положительную гарантию в неотъемлемости дарованных благ гражданской свободы.

Задача эта сводится к устройению правового порядка.

Соответственно целям водворения в государстве спокойствия и безопасности, экономическая политика правительства должна быть направлена ко благу народных широких масс, разумеется, с ограждением имущественных и гражданских прав, признаваемых во всех культурных странах.

Намечаемые здесь основания правительственной деятельности для полного осуществления своего, потребуют значительной законодательной работы и последовательного административного устройства.

Между постановкою принципа и претворением его в законодательные нормы, а в особенности, проведением этих норм в нравы общества и приемы правительственных агентов, не может не пройти некоторое время.

Начала правового порядка воплощаются, лишь поскольку население получает к ним привычку – гражданский навык. Сразу подготовить страну со 135 миллионным разнородным населением и обширнейшею администрациею, воспитанными на иных началах, к восприятию и усвоению норм правового порядка, не под силу никакому правительству. Вот почему, правительству далеко недостаточно выступить с одним только лозунгом гражданской свободы. Чтобы водворить в стране порядок, нужны труд и неослабевающая последовательность. Для осуществления этого, необходимыми условиями являются однородность состава правительства и единство преследуемых им целей. Но и министерство, составленное, по возможности, из лиц одинаковых политических убеждений, должно будет приложить неимоверные старания, дабы одушевляющая его работу идее сделалась идеею всех агентов власти, от высших до низших.

Заботою правительства должно являться практическое водворение в жизнь главных стимулов гражданской свободы. Положение дела требует от власти приемов, свидетельствующих об искренности и прямоте ее намерений. С этой целью правительство должно себе поставить непоколебимым принципом полное невмешательство в выборы в Государственную Думу и искреннее стремление к осуществлению мер, предпринятых указом 12 декабря.

В отношении к будущей Государственной Думе заботою правительства должно быть поддержание ее престижа, доверие к ее работам и обеспечение подобающего сему учреждению значения.

Правительство не должно являться элементом противодействия решениям Думы, поскольку решения эти не будут коренным образом расходиться с величием России, достигнутым тысячелетней ее историей. Правительство должно следовать мысли высказанной в Высочайшем манифесте об образовании Государственной Думы, что положение о Думе подлежит дальнейшему развитию в зависимости от выяснившихся несовершенств и запросов времени.

Правительству надлежит выяснить и установить эти запросы, формулировать гарантию гражданского правопорядка, руководствуясь, конечно, господствующею в большинстве общества идеею, а не отголосками, хотя бы и резко выраженных требований отдельных кружков, удовлетворение коих невозможно уже потому, что они постоянно меняются. Но удовлетворение желаний широких слоев общества путем той или иной формулировки гражданского правопорядка необходимо.

Весьма важно преобразовать Государственный Совет на началах видного участия в нем выборных элементов, ибо только при этом условии возможно установить нормальные отношения между этим учреждением и Государственной Думой.

Не перечисляя дальнейших мероприятий, которые должны находиться в зависимости от обстоятельств, я полагаю, что деятельность власти во всех ступенях должна быть охвачена следующими руководящими принципами.

1) Прямота и искренность в утверждении на всех поприщах, даруемых населению благ гражданской свободы и установление гарантий сей свободы.

2) Стремление к устранению исключительных законоположений.

3) Согласование действий всех органов правительства.

4) Устранение репрессивных мер против действий, явно не угрожающих обществу и государству и

5) Противодействие действиям, явно угрожающим обществу и государству, опираясь на закон и в духовном единении с благоразумным большинством общества.

Само собой разумеется, осуществление поставленных выше задач возможно лишь при широком и деятельном содействии общества и при соответствующем спокойствии, которое бы позволило направить силы к плодотворной работе.

Следует верить в политический такт русского общества, так как немислимо, чтобы русское общество желало анархии, угрожающей, помимо всех ужасов борьбы, расчленением государства».

Оба вышеизложенные акта появились одновременно и были опубликованы рядом. Удивительно, что ни тогда, ни до настоящего времени не возник вопрос, почему именно явились два акта, которые в конечных своих тенденциях однородны, которые проникнуты одним и тем же духом, но которые практически и по объему содержания далеко не одинаковы и мало между собой согласованы. Почему не появился один акт, который содержал бы те же идеи, но совершенно согласованные. Ответом на этот вопрос послужит ниже приведенная записка под заглавием «справка об манифесте 17 октября 1905 года». История этой справки такова:

Когда я был вынужден в апреле 1906 года оставить пост председателя совета министров, и затем в июле уехал за границу, то до меня доходили слухи, что в дворцовых сферах говорят, что я вырвал у Его Величества манифест 17 октября, что я вынудил Его дать этот акт. Эти слухи находились в соответствии с очевидным паролем, данным черносотенной прессе, («Русское Знамя» Дубровина, «Московские Ведомости» Грингмута и пр.) ежедневно уверять, что я изменник, масон, подкуплен жидами и проч. Известно, что пресса эта питается, главным образом, из дворцовых сфер и, между прочим, из благ Императрицы Александры Феодоровны.

В сущности говоря, из казны, так как первоначальный источник всех почти этих средств казна, т. е., достояние преимущественно малосостоятельных классов. Затем, мне сделалось известным, что и Императрица Александра Феодоровна считает возможным высказать, что манифест 17 октября я вырвал у Ее Августейшего супруга, и что Августейший супруг сам этого не изволит высказывать, но своим молчанием это в известной степени подтверждает, а так как Государь одновременно во всех проявлениях начал ко мне относиться так, как будто я совершил в отношении Государя какой либо некорректный поступок, то этим самым Его Величество еще в большей степени как бы подтверждал болтовню своей свиты и неосторожные фразы Императрицы.

Я употребляю слово «неосторожные», не считая возможным для себя употреблять более правильное определение. Люди, которые не понимают, что распространение причем заведомое, слухов, что неограниченный Самодержец подписывает самой величайшей важности акты, потому что у Него их вырывают, начинает ужасные и позорные войны, потому что Его уверяют, что мы «разнесем макак», самолично ребячески распоряжается военными действиями, потому что Его уверяют, что Он превосходный военный и моряк – очевидно, хотя и желая оградить Монарха, наносят самый ужасный удар Его неограниченной самодержавности.

Люди эти очень не умные и притом подлые, хотя и титулованы. Изложенные обстоятельства вынудили меня в начале января 1907 года составить краткую «справку об манифесте 17 октября 1905 года». Справку эту я предварительно дал прочесть управляющему во время моего премьерства делами совета министров, ныне сенатору, Вуичу, который был в курсе событий и просил сказать, нет ли какой-нибудь неточности, хотя она была составлена в согласовании с краткими воспоминаниями Вуича по поводу этих событий, находящимися в моем архиве. Вуич подтвердил точность этой справки. Затем, я послал ее к военному министру Редигеру, единственному из нынешних министров, бывшему министром и в моем кабинете. Он сделал одно редакционное изменение, которое мною и было принято (его письмо по этому предмету находится также в моем архиве). Затем, эту справку я послал 30 января 1907 года при письме министру Двора барону В. Б. Фредериксу, как лицу, посвященному во многие перипетии того времени, на случай, если ему угодно будет указать мне какие-либо неточности, которые невольно могли вкрасться в эту справку, объясняя, что я не счел со своей стороны уместным представить эту справку Государю Императору только потому, что не находил возможным беспокоить Его Величество. В заключение в письме говорится: «Не откажите вернуть мне прилагаемую справку с Вашими замечаниями».

Через несколько дней после отсылки этого письма, я виделся с директором канцелярии министра Двора генералом Мосоловым, который мне сказал, что присланная мною справка найдена совершенно правильною, и что он готовит в этом смысле ответ. Затем, прошло еще несколько дней и генерал Мосолов мне передал, что он вручил проект ответного письма министру Двора и посоветовал ранее, чем ответить, показать справку Его Величеству, и что министр так и поступит. Прошло более двух недель и справка не возвращалась от Государя. Управляющий кабинетом Его Величества генерал князь Оболенский мне сказал, что Его Величество, продержав эту справку две недели, возвратил ее министру и сказал, что справка составлена верно. Тем не менее, министр продолжал молчать и только 25 марта при свидании со мною на мой вопрос о том, когда он ответит мне по поводу справки, сказал, что присланную, справку «находит составленной совершенно правильно», что в ней пропущено лишь то, что будто бы, когда он был у меня 16 октября вечером, то он между прочим сказал, что Трепов находит, что лучше сделать какое то изменение в манифесте. Я этого не помню. Князь Оболенский, который все время присутствовал при нашем разговоре, также этого не помнит, но это и не имеет никакого значения. Затем, барон Фредерикс уклонился дать письменный ответ.

(Вариант: «Вынужден я был составить эту справку по следующему поводу.

По понятным причинам я не считал корректным кому бы то ни было рассказывать, как произошло 17 октября. Так прошло более года, но дворцовая камарилья в это время усиленно распространяла, что я вырвал у Государя 17-ое октября. Делали они это для того, чтобы натравлять против меня хулиганов союза русского народа. Они и достигли своей цели, т. к. в сущности союз русского народа вместе с агентами правительства вложил ко мне в дом адские машины и от них шли приготовленные мне Казанцевым бомбы.

В эти разы, как и во многих других случаях, когда я подвергался страшной опасности, Бог меня спас. Наконец, до меня начали доходить слухи, что Императрица Александра Феодоровна также изволит высказываться, что я вырвал манифест 17 октября. Вследствие сего я составил записку, которую министр Двора передал Государю. Государь держал ее у себя дней 15 и затем сказал барону Фредериксу: „записка составлена графом Витте правильно, но не пишите ничего ему об этом, а скажите ему на словах, что факты, изложенные в записке, изложены верно“.

В тот же день, когда ему это сказал Государь, барон Фредерикс передал это князю Н. Д. Оболенскому, а последний мне. Как это вам нравится в устах Самодержавного Императора?.. Подумаешь, и это сын благороднейшего и правдивейшего венценосца Александра III...».).

Справка эта такова:

Справка о манифесте 17 октября 1905 года

«В видах вспыхнувшей в сентябре и начале октября 1905 года, после продолжавшегося уже несколько лет сильного брожения и политических убийств, резкой смуты во всех частях России, в особенности в Петербурге и некоторых больших городах, 6 октября 1905 года председатель комитета министров граф Витте всеподданнейше испрашивал, не угодно ли будет Его Величеству принять его и выслушать соображения о современном крайне тревожном положении. Это он сделал по настоятельной просьбе председателя Государственного Совета графа Сольского.

8 октября Его Величество соизволил написать графу Витте, что Он сам имел в виду его вызвать, чтобы переговорить о настоящем положении вещей, и повелел прибыть на другой день 9-го октября к 6-ти часам вечера.

9-го октября председатель комитета имел счастье явиться к Его Величеству и представить наскоро составленную всеподданнейшую записку, в которой он излагал свой взгляд на положение дела. Вместе с тем он всеподданнейше доложил Его Величеству, что, по его мнению, может быть два выхода: или стать на путь, указываемый в записке, в то время словесно им доложенной, или облечь соответствующее лицо (диктатора) полномочием, дабы с непоколебимой энергией путем силы подавить смуту во всех ее проявлениях. Для этой задачи нужно выбрать человека решительного и военного. Первый путь представлялся бы более соответственным, но очень может быть, что такое мнение ошибочно, а потому было бы желательно обсудить этот вопрос в совещании с другими государственными деятелями и с лицами Царской семьи, коих дело это существенно может коснуться. Его Величество, милостиво выслушав гр. Витте, не соизволил высказать своего Высочайшего мнения.

По возвращении из Петергофа граф Витте пересмотрел совместно с временно управляющим в то время делами комитета министров Н. И. Вуичем переданную им Его Величеству наскоро составленную записку, сделал в ней некоторые исправления и добавил в конце, что может быть есть другой исход – идти против течения, но в таком случае это надо сделать решительно и систематически, что он сомневается в успехе такого исхода, но, может быть, он ошибается; во всяком случае, за выполнение того или другого плана может взяться только человек, который в него верит.

На другой день, 10 октября в час дня граф Витте вновь имел счастье явиться к Его Величеству и, в присутствии Государыни Императрицы Александры Феодоровны, подробно изложил все свои соображения, объясняющие записку в новой ее редакции, причем словесно доложил еще раз о другом возможном выходе, о котором докладывал Государю 9-го октября. Их Величества не изволили высказать своего мнения, но Его Императорское Величество соизволил заметить, что, может быть, было бы лучше основание записки опубликовать манифестом.

В течение 12 и 13 октября граф Витте не имел никаких сведений из Петергофа. Приблизительно в это время в одном из заседаний у графа Сольского, между прочим, шла речь о крайне опасном положении дела вследствие брожения, переходящего в восстание, причем генерал-адъютант Чихачев и граф Пален высказывали решительное мнение, что нужно прежде всего подавить всякое проявление смуты силою оружия. Граф Витте не преминул сообщить об этом всеподданнейшей запиской Его Величеству, причем ходатайствовал выслушать сановников, высказывающих такое убеждение. Графа Витте затем генерал-адъютант Чихачев спрашивал, не по его ли инициативе Государю Императору благоугодно было его вызывать, на что он ответил, что этого не знает, но что действительно счел своим долгом доложить Государю о сложившемся у некоторых сановников определенном взгляде, как нужно при данных обстоятельствах поступить, и что по его мнению было бы весьма полезно, если бы Его Величеству благоугодно было их выслушать.

Графу Витте говорили, что 11 и 12 октября его программа подверглась обсуждению. 13-го граф Витте получил от Его Величества следующую телеграмму: „Впредь до утверждения закона о кабинете поручаю Вам объединить деятельность министров, которым ставлю целью восстановить порядок повсеместно. Только при спокойном течении государственной жизни возможна совместная созидательная работа правительства с имеющими быть свободно wybranными представителями народа моего“.

Вследствие этой телеграммы граф Витте 14 числа утром снова Съездил в Петергоф и всеподданнейше доложил, что одним объединением министров, смотрящих в разные стороны, смуту успокоить нельзя, и что, по его убеждению, обстоятельства требуют принятия решительных мер в том или другом направлении. При этом, вследствие сделанного Его Величеством замечания, что было бы целесообразнее изложить основания записки в манифесте, граф Витте представил Его Величеству краткий всеподданнейший доклад, резюмирующий записку, в начале коего указано, что доклад этот составлен по приказанию и указаниям Его Величества, и который, в случае если Его Величество соизволит его одобрить, подлежал бы Высочайшему утверждению; что же касается манифеста, то граф Витте докладывал что манифест, который оглашается во всех церквах, есть такой акт, в

котором неудобно входить в надлежащие подробности; с другой же стороны, опубликование Высочайше утвержденного всеподданнейшего доклада будет только выражать принятие Государем изложенной в докладе программы, что будет гораздо осторожнее, ибо в таком случае предложенные им меры лягут на его, графа Витте, ответственность и не свяжут Его Величество.

В это время забастовка фабричных рабочих в Петербурге и во многих городах, а равно служащих значительной части железных дорог и других учреждений была уже в полной силе, так что Петербург оставался без освещения многих торговых заведений, движения конок, телефонов и железнодорожного сообщения. Такое положение дела, в виду вышеприведенной телеграммы Государя Императора, понудило графа Витте собрать у себя совещание некоторых министров, в том числе военного, генерала Редигера, товарища министра внутренних дел и петербургского генерал-губернатора, Трепова, министра путей сообщения, князя Хилкова, чтобы обсудить, какие меры можно принять для восстановления железнодорожного сообщения Петербурга, хотя с ближайшими окружными пунктами. На этом совещании военный министр и генерал Трепов, которому был подчинен петербургский гарнизон, заявили, что в Петербурге достаточно войск для того, чтобы подавить вооруженное восстание, если таковое проявится в Петербурге и в ближайших резиденциях Государя, но что в Петербурге нет соответствующих частей, которые могли бы восстановить движение хотя бы от Петербурга до Петергофа. Вообще военный министр заявил, что в действующую армию командировано не только значительное число войсковых единиц, но много офицеров и нижних чинов из состава частей, оставшихся в Европейской России; эти части были в свое время пополнены чинами запаса, но среди последних началось всеобщее брожение вследствие задержания их на службе после заключения мира. Это обстоятельство, в связи с продолжительным привлечением войск к несению полицейской службы, в значительной степени расстроило войска, оставшиеся внутри Империи.

14-го к вечеру графу Витте было дано знать по телефону из Петергофа князем Орловым, чтобы он явился на совещание к Его Величеству 15 октября, к 11-ти часам утра, причем ему было предложено привезти с собою проект манифеста, так как необходимо „чтобы все исходило лично от Государя, и нужно вывести намеченные в его докладе меры из области обещаний в область Государем даруемых фактов“.

Хотя граф Витте считал более осторожным ограничиться Высочайшим утверждением его всеподданнейшего доклада и надеялся, что, может быть, манифеста и не потребуется, но все же, чувствуя себя в тот вечер нездоровым, просил находившегося у него в это время члена Государственного Совета князя А. Д. Оболенского к утру набросать проект манифеста.

15-го октября утром граф Витте снова отправился в Петергоф, причем просил князя Оболенского и управляющего делами комитета министров поехать с ним. На том же пароходе ехал и министр Двора барон Фредерикс. Князь Оболенский прочел в присутствии всех этих лиц набросок им составленного проекта манифеста; граф Витте сделал некоторые замечания и, так как в то время подошли к Петергофу, то он просил князя Оболенского и Вуича попытаться, на основании бывших на пароходе разговоров по поводу наброска князя Оболенского, составить более или менее окончательную

редакцию манифеста, а сам вместе с бароном Фредериксом отправился во дворец. Там он застал Великого Князя Николая Николаевича и генерал-адъютанта Рихтера. В 11 часов Его Величество принял этих четырех лиц. Его Величество повелел графу Витте прочесть, ранее упомянутый, его всеподданнейший доклад. Затем граф Витте доложил, что по его крайнему разумению, при настоящих обстоятельствах могут быть два исхода, или диктатура, или конституция, на путь которой Его Величество в сущности уже вступил манифестом 6 августа и сопровождавшими его законами.

Его доклад или программа высказывается за второй путь, который в случае его утверждения должен повести к мероприятиям, подлежащим проведению в законодательном порядке и расширяющим закон 6 августа, приводя Россию к конституционному устройству. Во время чтения доклада, с разрешения Государя Императора, Великий Князь Николай Николаевич задавал графу Витте целый ряд вопросов, на которые граф Витте давал подробные разъяснения, причем доложил, что он не рассчитывает, чтобы после жесточайшей войны и столь сильной смуты могло быстро наступить успокоение, но что второй путь казалось бы приведет скорее к такому результату.

По окончании доклада Его Величеству угодно было спросить графа Витте, изготовил ли он манифест. Граф Витте доложил, что предварительный проект манифеста был изготовлен, что он с ним ознакомился во время переезда в Петергоф, ныне же исправляется, но что по его мнению было бы удобнее ограничиться утверждением прочитанного им всеподданнейшего доклада. Его Величество соизволил в 1 час дня отпустить присутствующих и повелел собраться к 3-м часам, а графу Витте привезти проект манифеста.

В 3 часа заседание возобновилось. Продолжался обмен мыслей по поводу доклада, затем граф Витте прочел проект манифеста. Присутствовавшие не сделали никаких возражений. Затем Государю Императору благоугодно было отпустить присутствующих.

16 октября к вечеру барон Фредерикс дал знать гр. Витте, что он к нему приедет переговорить по поводу манифеста. После полуночи барон Фредерикс приехал вместе с директором канцелярии генералом Мосоловым, и передал графу Витте, что Его Величество независимо от тех лиц, которые присутствовали вчера на заседании, советовался также с другими лицами, и что члены Государственного Совета Горемыкин и Будберг составили два проекта манифеста, с которыми Его Величество поручил его ознакомить. Граф Витте прежде всего спросил, известно ли обо всем происходящем генералу Трепову, который ныне держит в своих руках всю полицию Империи, на котором лежит ответственность за внешний порядок в стране; всякая крупная мера, если он, генерал Трепов, заранее в нее не будет посвящен, может иметь последствием неблагоприятные явления. Барон Фредерикс ответил, что он потому и опоздал, что был у генерала Трепова, который во все это дело посвящен. Затем барон Фредерикс дал графу Витте прочесть новые проекты (Проекты затем были взяты бароном Фредериксом и более не удалось их достать.). Граф Витте заметил, что проект на который было обращено его внимание, как наиболее подходящей, не может быть им принят по двум причинам:

Во-первых, потому, что он в отличие от проекта, им переданного, прямо провозглашает, что Его Величество со дня опубликования манифеста

дарует все свободы, тогда как в его проект Его Величество лишь повелевает правительству выполнить непрременную Его волю даровать эти свободы, что предполагает еще последующую работу правительства; во-вторых, что в манифесте пропущены другие существенные меры, которые значатся в его проекте всеподданнейшего доклада, и что объявление манифеста, не согласного с одновременно опубликованным докладом, породить сразу сомнения в силе и крепости тех начал, которые в этом докладе изложены.

По этим причинам он просил барона Фредерикса доложить Его Величеству, что по его мнению, издавать манифест, как он это уже несколько раз имел честь докладывать Его Величеству, не нужно, что достаточно и более осторожно обнародовать лишь его Высочайше утвержденный всеподданнейший доклад. На это барон Фредерикс ответил, что вопрос о том, что реформа, предположенная всеподданнейшим докладом, должна быть возведена народу манифестом, решен бесповоротно. Выслушав это сообщение, гр. Витте просил доложить Его Величеству, что нужно поручить место председателя совета тому лицу, которого программа будет принята, что он чувствует, что в этом деле у Его Величества существует некоторое сомнение в правильности его взглядов, что при таком положении вещей было бы целесообразнее оставить самую мысль о назначении его первым министром, а для объединения действий министров, в случае окончательного отклонения предположения о назначении диктатора, для успокоения смуты силою, избрать другое лицо, программа которого была бы признана более целесообразной.

Если прочитанные им проекты манифестов признаются целесообразными, то по его мнению одного из авторов их и следовало бы назначить председателем совета. В заключение граф Витте также просил доложить Его Величеству, о чем он имел счастье и ранее докладывать Государю, что если его деятельность нужна, то он готов послужить общему делу, но на второстепенном посту, хотя бы губернатора какой бы то ни было губернии.

На другой день, 17 октября, граф Витте снова был вызван в Петергоф, и приехав туда, он отправился прямо к барону Фредериксу. Барон передал графу Витте, что решено принять его проект манифеста и утвердить всеподданнейший доклад им представленный, что Великий Князь Николай Николаевич категорически поддерживает такое решение и докладывал о невозможности, за недостатком войск, прибегнуть к военной диктатуре.

В 6-ом часу граф Витте и барон Фредерикс приехали во дворец, причем барон Фредерикс привез с собою, переписанный в его канцелярии, манифест. Во дворце был Великий Князь Николай Николаевич. Его Величеству благоугодно было в их присутствии подписать манифест и утвердить всеподданнейший доклад графа Витте. Оба эти документа в тот же день были обнародованы с ведома генерала Трепова».

После того, как я передал приведенную выше справку барону Фредериксу, я ее показал человеку, к которому питаю глубокое уважение, графу Палену, министру юстиции при Императоре Александре II, до процесса Веры Засулич. Граф Пален просил разрешения моего показать ее и генерал-адъютанту Рихтеру. Через несколько дней генерал-адъютант Рихтер вернул ее мне при записке, в которой не выразил никакого мнения.

На другой день я его встретил в Государственном Совете и спросил, не нашел ли он в справке какой-либо неточности, на что он мне ответил, что справка составлена совершенно точно. Я дал тогда же эту справку для прочтения Великому Князю Владимиру Александровичу. Великий Князь мне ее вернул через несколько дней и тогда же передал графу И. И. Толстому, который у него совершенно домашний человек, следующее (письмо его находится в моем архиве): «На следующий день по получении вашей записки Великий Князь обедал в клубе, где были Фредерикс и Мосолов. Так как о них упоминается в Вашей справке, то он позвал Мосолова в отдельную комнату, объяснил ему, что получил от вас записку, и спросил его, что он знает о ней. На это Мосолов ему ответил, что записку вы через барона Фредерикса послали Государю, от которого желали получить подтверждение изложенного, но что Государь не соизволил на сие, и что Фредерикс только словесно подтвердил ее правильность в общем».

Ранее составления этой справки по поводу событий с начала октября до 17-го 1905 года мне передали свои воспоминания по событиям этого времени два лица, заслуживающие полного доверия и близко стоящие к сказанным событиям; это управляющий делами совета министров, Н. И. Вуич, ныне сенатор, женатый на единственной дочери В. К. Плеве, и потому человек, бывший ему близким, и князь Н. Д. Оболенский, генерал свиты Его Величества, управлявший в то время и ныне управляющий кабинетом Его Величества, в сущности товарищ министра Двора. Князь Оболенский был самый близкий человек к Императору, был любимым из молодых флигель-адъютантом отца Его, Императора Александра III, он совершил путешествие на Дальний Восток, с Императором Николаем II, в бытность Его наследником. Князь Н. Д. Оболенский пользовался большим вниманием Императрицы Александры Феодоровны, так как, когда она приезжала в Петербург в качестве Алих Дармштадтской на смотрины и была забракована, как невеста Наследника, то единственный кавалер, который по сему случаю от Нее не отвернулся, а, напротив, удвоил к Ней внимание, был князь Николай Дмитриевич Оболенский. Будучи близко знаком со мною и зная все, что делается при дворе, т. е. в дворцовых лакейских (для высокопоставленных придворных лакеев, титулованных и мундирных), он, конечно, знал все, что происходило в это время вокруг Государя. С этой точки зрения, его краткие воспоминания имеют цену. Сказанные воспоминания при сем прилагаю.

Записка Н. И. Вуича

21 сентября уехал на Кавказ управляющей делами комитета министров, барон Нольде, вследствие чего во временное исправление должности его вступил помощник управляющего, Вуич, на обязанность которого упал поэтому и доклад всех комитетских дел председателю комитета, графу С. Ю. Витт. Граф был все время чрезвычайно озабочен и несколько раз в разговоре возвращался к тому, насколько плохо внутреннее наше положение, и что представляется неизбежным, или ввести повсюду военное положение, или даровать настоящую конституцию. При этом С. Ю. Витте высказывал, что принятие каких-нибудь разрозненных мер не даст благоприятных результатов,

в частности же репрессии против печати бесполезны, так как немедленно усилятся подпольная пресса.

6 октября председатель поручил составить всеподданнейший доклад в том смысле, чтобы впредь, до рассмотрения совещанием графа Сольского проекта о преобразовании комитета министров, установлены были временные полномочия председателя комитета по объединению деятельности министров, причем С. Ю. просил с составлением этого доклада поторопиться. На другой день председатель занимался подробным рассмотрением представленного ему проекта, 8-го же октября, вечером, передал для прочтения и для распоряжений о переписке к следующему утру – обширную записку, заключающую в себе разъяснение его взгляда на способы успокоения страны, с выводом о необходимости перехода к конституционному образу правления. На следующий день, утром, записка, переписанная, была представлена председателю. В происшедшем при этом разговоре, на замечание помощника управляющего, с какою быстротою события привели к предположению о введении конституции, С. Ю. с горячностью заметил, что за последнее время последовали Мукден, Цусима; что закрыто было сельскохозяйственное совещание, к которому имели отношение либеральные элементы, теперь ищущие иного выхода; что он пришел к убеждению о совершенной неотвратимости предлагаемого им средства. Затем председателем дано было поручение составить краткий по этой записке всеподданнейший доклад, который мог бы быть, в случае надобности, напечатан.

В течение 9 октября записка была председателем несколько изменена (В тот же день она была вновь переписана и в 2-х экземплярах представлена председателю.) во вступительной части включением указания, что доклад составлен по приказанию и указаниям Его Величества. Вместе с тем, в конце записки было добавлено, что, может быть, есть и другой исход – идти против течения, но это надо сделать решительно и систематически; С. Ю. сомневается в успехе этого, но он может и ошибаться; во всяком случае, за выполнение всякого плана может взяться только человек, который в него верит. 10 октября председатель ездил к Государю и, вероятно, тогда же оставил Его Величеству свою записку.

После того занимались уже только кратким всеподданнейшим докладом, он еще переделывался и 13 октября, вечером, окончательно был прочитан председателем. С. Ю. сказал, что едет на другой день к Государю и пригласил Вуича его сопровождать на пароходе. 14 октября погода была немного скверная, снег с дождем, и пароход изрядно качало. Дорогою перечитывали еще раз доклад и С. Ю. говорил, что он не может принять должность председателя совета, если доклад этот не будет утвержден.

Говорили также о постыдности положения, при котором верноподданные должны добираться к своему Государю чуть ли не вплавь. С. Ю. поехал с пристани прямо во дворец, где оставался до часу, затем приехал завтракать в приготовленное помещение и говорил, что мог настоять на немедленном утверждении доклада, но не захотел вырвать согласие, и потому ему предложили еще раз вернуться во дворец.

Со второй аудиенции С. Ю. возвратился на пароходе после пяти часов, так что назад ехали в темноте. Положение оставалось тоже самое и решение отложено до завтра. 15 октября опять поехали около 9-ти часов утра. На пароходе был барон Фредерикс и князь Алексей Оболенский; оказалось, что

князь привез с собой проект манифеста, о котором до того от председателя ничего слышать не приходилось.

Стали читать проект. Вступление весьма красноречивое, но председатель говорит: «да это не существенно, а вот что у вас вышло в пунктах?» Первый пункт оказался о свободах. Предполагалось сказать вроде того, что на правительство возлагается обязанность немедленно выработать и в определенный срок представить Государю проекты законов о свободе собраний и проч. Далее следовал пункт о расширении выборных прав, а затем говорилось о рабочих. От последнего пункта князь тут же немедленно, в виду замечания председателя, отказался.

Стали затем пробовать сгладить редакцию первых, и в то же время у одного из присутствующих явилась мысль, нельзя ли связать эти меры с указом 12 декабря 1904 года, как продолжением этого указа. Из попытки этой ничего в ту минуту не вышло, а так как в это время подходили уже к пристани, то решили пока только установить в общих чертах содержание пунктов манифеста, наметили три таких пункта (два, предложенных князем А. Д., и третий о полномочиях Государственной Думы), и все это вкратце было отмечено на особом лист.

При этом С. Ю. сказал, что можно писать и коротко, так как все это разъяснено во всеподданнейшем докладе. Все разговоры и предположения никаких особых возражений со стороны присутствовавших не вызывали. Затем было решено, что, пока С. Ю. будет во дворце, бывшие с ним лица попробуют составить окончательный проект манифеста.

К возвращению С. Ю. из дворца в приготовленное для него помещение, проект был уже составлен. При этом первоначальный проект князя А. Д. остался как то в стороне, а руководились при составлении нового проекта заметками, сделанными на пароход. С. Ю. приехал из дворца около часу, говоря, что дело еще окончательно не решено, но что можно и подождать день или два. Князь А. Д. взволнованно доказывал нежелательность этого, в чем был поддержан и другим слушателем.

Затем проект был прочитан Сергею Юльевичу. Первый пункт о свободах казался составленным ясно в том смысле, что Государь решил даровать свободы, а введение их составит ближайшую задачу правительства. Эта часть проекта при чтении ни с чьей стороны никаких замечаний не вызвала, а затем подробно говорили о двух последующих пунктах, причем князь Оболенский высказался против дальнейших изменений приготовленного проекта, так как это вызывало бы только излишнее промедление. Тем не менее, долго говорили об этих пунктах. Обсуждалось, расширить ли выборы только по отношению рабочих или также и других частей населения, не получивших избирательных прав. С. Ю. решил, соглашаясь с князем Оболенским, поставить вопрос шире; при этом слова о не приостановлении выборов вызывали у него сомнение, так как, может быть, нельзя будет обойтись без приостановки при переделке закона, но окончательно согласился их оставить, так как, по существу дела, откладывать выборы не представлялось желательным.

По пункту о законодательной власти думы останавливались на том, не слишком ли решительны выражения этого пункта, но затем признали, что они соответствуют смыслу всеподданнейшего доклада. Поехал С. Ю. вторично во дворец к 3 часам и, возвратившись затем, на пароход, после 5 час., говорил, что

во дворце происходило совещание с участием Вел. Кн. Николая Николаевича, бар. Фредерикса и ген. Рихтера.

Великий Князь сначала говорил за строгие меры, но потом присоединился решительно к мыслям С. Ю. также, как и Рихтер. Его Величество окончательно сказал: «Если Я соглашусь, то дам знать Вам вечером». В тот день председатель никакого уведомления более не получал и, в 10 часов вечера, говорил, крестясь, что, очевидно, бумаг ждать нечего и он освободится от всего этого дела, так как оказалось, что в 6 часов к Государю были вызваны Горемыкин и Будберг и оттого, вероятно, и днем не был дан решительный ответ.

16 октября никаких новых сведений не было. 17-го, утром, выяснилось, что накануне и в течение ночи шли переговоры о том, чтобы всеподданнейшего доклада С. Ю. вовсе не распубликовать, а редакцию манифеста изменить в том смысле, чтобы не упоминать о предстоящей деятельности «Правительства» по осуществлению намерений Государя, а прямо объявить о даровании реформ от имени Его Величества.

С. Ю. не считал возможным на это согласиться. Днем, на пароходе «Нева», С. Ю. отправился в Петергоф, поехал прямо к Его Величеству и привез из дворца подписанный манифест и утвержденный всеподданнейший доклад. На обратном пути С. Ю. высказывал мнение, что, если удастся дотянуть до собрания Думы, тогда все спасено, а если невозможны будут выборы, то ручаться ни за что нельзя.

20 октября, по распоряжению председателя, было составлено и опубликовано в «Правительственном Вестнике» правительственное сообщение, в котором объяснялось, что осуществление указанных в манифесте 17-го октября реформ требует законодательных определений и ряда административных мер; до того, прежние законы должны действовать.

(подп.) Николай Вуич

31 декабря 1906 г.

Записка Князя Н. Д. Оболенского

Октябрь 1905 года будет отмечен будущим русским летописцем, как исторический месяц, в течение которого произведена была первая реальная попытка пойти навстречу необходимости (в высших сферах еще в то время не вполне сознанной), совершить последний шаг по пути реформ и обновления русской жизни, начатых еще в царствование Императора Александра II.

Обстановка, среди которой в эти исторические дни чувствовало себя русское общество, была скорбная, тяжелая, угнетающая. Неудачно веденная война обнаружила несовершенства государственного механизма во всей их болезненной правде. Зароненное в среду неудовлетворенного, разочарованного, оскорбленного в самом скромном честолюбии общества, неудовольствие это стало концентрически расти и захватывать все классы населения, каждый раз по своему толковавшие о причинах наших внешних и внутренних неудач.

Почва эта являлась благоприятным рассадником для тех лиц, которые, с интернациональными идеями разнообразных оттенков, ставили целью своих мыслей и действий вызвать, в какой удастся форме, смуту в России, пользуясь которой ниспровергнуть существующий, мало кого удовлетворяющий государственный порядок. Вся эта сложная многопричинная и многообразная эволюция общественной мысли выразилась в забастовках, открытых смутах,

грабежах, политических убийствах и насилиях, на глазах безучастного и скорее враждебно к правительству настроенного русского общества.

Сознание ненужности безотрадно веденной, жестокой и неудачной войны с Японией, находило некоторое успокоение в той мирной победе, которая была одержана в Портсмуте, когда, так или иначе, с относительно ничтожными жертвами, прекратилось безрезультатное кровопролитие, грозившее нам, к довершению бед, потерю Владивостока, Камчатки и прилегающих к Сибири островов на море, господство над которыми всецело перешло в руки японцев.

Общество под впечатлением этого акта запоздавшей государственной мудрости облегченно вздохнуло, и имя человека, приобретшего для своего отечества мир внешний, естественно приходило на мысль перед задачей внутреннего успокоения и наделения государства прочным внутренним миром. Председатель комитета министров, ст. – секр. граф Витте, утомленный нравственно испытанными напряжениями, вернулся в Россию и, принявшись за повседневную работу, с первых шагов столкнулся с отголосками внутреннего хаоса и того нестроения, которые настоятельно требовали энергичного и неотложного разрешения.

В первых же заседаниях комитета министров и в отдельных совещаниях у гр. Сольского резко определилась необходимость внести в государственную работу свежую струю, приступив к основным преобразованиям всего правительственного механизма.

6-го октября С. Ю. Витте пишет Государю Императору письмо, в котором всеподданнейше испрашивает разрешение прибыть в Новый Петергоф для доклада некоторых своих соображений в связи с происходившими уже в то время открытыми политическими демонстрациями, многочисленными митингами и собраниями общественных деятелей и общим неустройством, принявшим острый характер явно враждебных правительству манифестаций и политической забастовки. Железные дороги бездействовали, сообщение с Новым Петергофом поддерживалось лишь пароходами по Неве.

8 октября был получен Высочайший ответ: Государь Император писал графу Витте, что и Сам Он думал вызвать его к себе для обмена мыслей по вышеупомянутым вопросам и просил графа Витте прибыть в Петергоф на другой день к 6 час. вечера.

В пятницу 8 октября, вечером, граф. С. Ю. Витте, при участии помощника управляющего делами комитета министров д. с. с. Вуича, составил программу намеченных реформ, с изложением в общих чертах, по пунктам, тех давно назревших у него данных, которые должны были в известной постепенности лечь в основу работы и политики будущего совета министров.

Казалось, что, выступая с такой программой, граф Витте, стоя во главе министров, мог рассчитывать удовлетворить и успокоить часть русского общества.

9 октября к 6 часам вечера гр. Витте отправился в Петергофа на пароходе и, будучи принять Его Величеством, доложил Государю Императору, что из настоящего тяжелого внутреннего положения правительству, по его мнению, представляются два выхода:

1) Облечь неограниченной диктаторской властью доверенное лицо, дабы энергично и бесповоротно в самом корне подавить всякий признак проявления какого либо противодействия правительству, – хотя бы ценою массового пролития крови.

Для такой деятельности граф Витте не считал себя подготовленным.

2) Перейти на почву уступок общественному мнению и предначертать будущему кабинету указания вступить на путь конституционный; иначе говоря, Его Величество предпринимает дарование конституции и утверждает программу, разработанную графом Витте.

Последний счел своим нравственным долгом обратить особое внимание Государя Императора на всю важность принимаемого решения, сопряженного с некоторым самоограничением; причем возврат к прежнему порядку оказался бы немислимым.

Вследствие этого граф Витте просил Государя, до принятия окончательного решения, обсудить в особом совещании этот вопрос, привлекая к совещанию этому противников пред-

лагаемого направления, мнения которых с достаточной ясностью определились в бывших за последнее время заседаниях и совещаниях.

Если же Государю угодно будет все таки согласиться на предлагаемую программу, то не стеснять графа Витте в выборе сотрудников, предоставив ему право распределения портфелей даже среди общественных деятелей.

Далее граф Витте, указывая на важность принимаемого решения, когда одним почерком пера изменяется весь государственный строй, и на серьезность намечаемого добровольного самоограничения прав, испрашивал. пригласить на совещание Ее Величество Государыню Императрицу и Великих Князей.

На другой день 10 октября граф Витте был вновь приглашен в Петергоф, где повторил все сказанное накануне в присутствии только Ее Величества и оставил свою программу.

Прошло 11 и 12 октября и наступила среда 13 октября. За это время, составленная графом Витте программа подвергалась деятельному и влиятельному обсуждению лиц приближенных, а также имевших доклад у Государя. В результате в среду 13 октября граф Витте получил депешу от Государя приблизительно следующего содержания:

«Назначаю вас председателем совета министров для объединения деятельности всех министров».

О программе не упоминалось вовсе. Получив такого рода депешу, граф Витте справедливо заключил, что программа им представленная не принята и не утверждена, и 14-го ездил в Петергоф и доложил Его Величеству, что нравственно не считает для себя возможным исполнить Высочайшее повеление сделаться первым министром, до утверждения его программы, но вместе с тем, подтверждал еще раз необходимость программу эту всесторонне обсудить в совещании лиц, которых Государю угодно было бы привлечь для этой цели, и что с каждым днем внутреннее положение ухудшается, вызывая неотложную необходимость придти к тому или иному решению.

Его Величество, после доклада графа Витте, призвал князя Орлова (граф Гейден находился в отпуске) для отдачи ему приказаний относительно приглашений на совещание для обсуждения программы графа Витт.

По указанию Его Величества был составлен список лиц, имеющих быть приглашенными, и предрешено было, что одну только программу графа Витте утверждать нельзя, но что для надлежащего уяснения, что все в ней изложенное исходит лично от Государя, содержание ее необходимо облечь в форму манифеста.

На обсуждение программы приглашены были: Великий Князь Николай Николаевич, генерал-адъютант барон Фредерикс, генерал-адъютант Рихтер, граф Витте, статс-секретарь Горемыкин и барон Будберг. После этого, князю Орлову передано было через камердинера приказание Его Величества, дабы г.г. Горемыкин и Будберг были доставлены в Петергоф на отдельном пароходе, в самом заседании не участвовали и ожидали дальнейших приказаний во дворце.

Затем, граф Витте получил из Петергофа уведомление, что 15 октября в 11 час. утра назначено у Его Величества особое совещание, на которое приглашается и он. Ему предложено также привезти с собой проект манифеста, дабы все намеченное им вывести из области одних обещаний в область Государем утвержденных фактов. Граф Витте первоначально решил в своей программе изменить редакцию вступления, в смысле более ясного подтверждения, что программа эта выработана по повелению и личному указанию Его Величества. Полагал, однако, что облечь программу эту в форму манифеста и трудно, и, может быть, преждевременно.

Однако, случайно здесь находившемуся князю А. Д. Оболенскому граф Витте предложил попытаться за ночь составить проект манифеста и на другой день 15 октября сопровождать его в Петергоф вместе с д. с. с. Вуичем.

В субботу 15 октября в 11 часов утра в Петергофе под председательством Государя началось совещание, на котором присутствовали: Великий Князь Николай Николаевич, генерал-адъютант барон Фредерикс, генерал-адъютант Рихтер и граф Витт. Великий Князь Николай Николаевич испросил разрешение задавать вопросы графу Витте в виду своего незнакомства с предметом и спрашивать объяснение того, что ему покажется неясным. В заседании этом граф Витте обрисовал в общих чертах общее положение России, как оно ему представлялось в эти дни, останавливаясь с особенным вниманием на том факте, что даже умеренные элементы русского общества заявляют себя, если не активно, то пассивно против правительства, и что, по его крайнему разумению, при настоящих обстоятельствах могут быть два исхода:

1) диктатура, или 2) вступление на путь конституции, причем доложил, с нужными пояснениями, все пункты своей программы.

В основу программы этой, как окончательная цель, легли:

а) дарование законодательных прав Государственной Думе и

б) дарование свободы слова, собраний, совести и неприкосновенности личности.

Великий Князь Николай Николаевич неоднократно прерывал докладчика, дабы яснее усвоить себе отдельные подробности доложенного. Заседание затянулось до часу дня и Государь приказал сделать перерыв до 2½ час., предложив к этому часу представить и проект манифеста, несмотря на то, что граф Витте еще раз доложил, что программа менее свяжет Государя, и что лучше было бы манифеста не составлять, так как в нем изложить всю сущность программы было бы затруднительно.

В три часа дня заседание возобновилось. Граф Витте несколько запоздал, корректируя проект манифеста, который и подвергся обсуждению. Присутствующие не возражали, но граф Витте просил еще раз Государя не решаться на подписание столь серьезного акта, не уяснив всестороннего его значения в виду чрезвычайной государственной и исторической важности делаемого шага и вероятности, что даже после этого успокоение может наступить не сразу.

Его Величество отпустил всех, положил проект манифеста в стол и поблагодарил графа Витте, сказав, что помолится Богу, еще подумает и скажет ему, решится ли Он на этот акт или нет.

По отъезде графа Витте, Государь приказал генерал-адъютанту барону Фредериксу призвать статс-секретаря Горемыкина и Будберга, ожидавших в Петергофе, и передать им на рассмотрение этот манифест. Оба тотчас приступили к его обсуждению и нашли его несоответствующим. Член Государственного Совета Горемыкин принципиально не соглашался с необходимостью такого акта, а барон Будберг, главным образом, критически отнесся к формальной стороне самого изложения манифеста, находя таковое недостаточно хорошо отредактированным. Горемыкин согласился помочь в редактировании одного проекта.

В это время граф Витте случайно осведомлен был, что проект его манифеста обсуждается без него и, опасаясь, что такой манифест мог бы быть подписан Государем и что он, граф Витте, принужден будет в силу обстоятельств принять его к исполнению и руководствоваться изложенными в нем видоизменениями статс-секретаря Горемыкина и барона Будберга, телефонировал барону Фредериксу и дворцовому коменданту князю Енгальчеву, прося их доложить Его Величеству о том, что он ходатайствует об изменениях, сделанных в его редакции, поставить его в известность, или же предложить авторам изменений стать во главе дела. Из Петергофа было отвечено, что сделанное в манифесте изменение незначительно и лишь редакционное. Граф Витте просил все-таки изменения эти, предварительно подписания, передать ему на прочтение.

В воскресенье 16 октября по Петербургу распространился слух, обсуждавшийся в различных кругах, что проект государственных преобразований графа Витте не одобрен, а утвер-

жден и принят другой проект члена Государственного Совета Горемыкина; слухи эти в общей их сложности произвели угнетающее впечатление.

16 октября вечером (после предварительного предупреждения по телефону), около полуночи к графу Витте приехал генерал-адъютант барон Фредерикс с своим начальником канцелярии генерал-майором А. А. Мосоловым. Барон Фредерикс извинился перед графом Витте, сообщив, что манифест изменен не в редакционном только отношении, как он это сообщил, но и по существу и просил графа Витте согласиться принять манифест в этом измененном виде к исполнению, так как измененный манифест заключал в себе, по его мнению, больше уступок, чем проектированный графом Витт.

Ознакомившись с новой редакцией манифеста, граф Витте усмотрел, что между проектом, представленным им, и проектом, ему привезенным, различие по существу сводилось к следующему:

1) В проекте у графа Витте определенно говорилось, что Его Величеству благоугодно повелеть своему правительству озаботиться проведением в жизнь Его неуклонною волею предначертанных реформ; в проекте, привезенном бароном Фредериксом, те же пункты уже определены, как даруемые.

2) О праве на законодательный почин со стороны Государственной Думы в этом последнем проекте не упоминалось вовсе.

При этом, граф Витте еще раз просил барона Фредерикса испросить у Государя Императора не печатать пока манифеста, а лишь утвердить и обнародовать одну программу с теми изменениями, которые в ее вступлении уже сделал сам граф Витте, относя все в ней изложенное к инициативе, указаниям и воле Его Величества. Барон Фредерикс ответил, что вопрос о том, что настоящая реформа должна быть возведена населенно манифестом, решен бесповоротно.

В заключение граф Витте заявил барону Фредериксу, что он ясно сознает, что со стороны Его Величества в основу отношений к нему, несмотря на все внимание Государя Императора, несомненно легло чувство некоторого недоверия, что при наличии такого серьезного фактора совместная государственная работа крайне затруднится, и что, быть может, было бы целесообразнее оставить самую мысль о назначении его первым министром, а для объединения министров избрать одного из авторов измененного манифеста, причем просил довести до сведения Его Величества о своей готовности и в этом случае на второстепенном посту послужить общему делу.

Высказанное графом Витте предположение имело за собою несомненное основание, так как ближайшие к Государю лица не верили в искренность графа Витте и были убеждены, что он в своих честолюбивых намерениях, стремится быть президентом Российской республики, и что, в предвидении возможности такого факта, находит себе объяснение та выдающаяся ласка и любезность, предметом которых сделался граф Витте, при возвращении из Портсмута, со стороны германского Императора Вильгельма II, прозревавшего в нем будущего русского республиканского президента.

На другой день 17 октября, в 9 час. утра, барон Фредерикс отправился с докладом к Государю Императору. Результатом этого доклада было немедленное приглашение туда же Великого Князя Николая Николаевича и графа Витте; последний мог прибыть лишь к 4½ часам дня.

Великий Князь Николай Николаевич, проникшись основательностью данных графом Витте объяснений, выразил свое полное сочувствие проекту графа Витте и доложил о невозможности, за недостатком войск, прибегнуть к военной диктатуре. Великий Князь и барон Фредерикс были приняты Государем раньше приезда графа Витте, причем тут же решено было, что Его Величество подпишет манифест, составленный графом Витте, и утвердит программу, представленную им. В канцелярии министра Императорского двора, временно переведенной в Петергоф, приказано было приступить к переписке манифеста.

В 6-ом часу вечера работа эта была закончена. Граф Витте, уже прибывший из Петербурга, поехал в Александрию, и в его присутствии Государь Император подписал манифест и утвердил программу. Таким образом, не без некоторой борьбы, колебаний и сомнений Государю угодно было вернуть России на покинутый ею, в силу разнообразных внутренних и внешних обстоятельств, путь реформ и завершить великое дело своего Августейшего Деда.

При обратном возвращении в Петербург, на палубе парохода находился Великий Князь Николай Николаевич. Он казался веселым и довольным. Обратившись к графу Витте, Его Высочество заметил:

«Сегодня 17 октября и 17 годовщина того дня, когда в Борках была спасена династия. Думается мне, что и теперь династия спасается от не меньшей опасности сегодня происшедшим историческим актом».

Август – сентябрь 1906 года.

В вышеприведенной «справке о манифесте 17 октября 1905 года», в виду ее назначения при ее составлении, события изложены с математической точностью, но совершенно кратко и при полном отсутствии эпизодических фактов, их сопровождавших.

Когда, после возвращения из Америки, я приехал в Петербург, то у меня совершенно созрело желание уехать из России, так как я ясно видел, что ничего доброго ожидать нельзя. Положение вещей было совершенно запутано, несчастная позорная война на долго обессилила Россию и вселила в ней недобрые чувства возмущения. Самое главное то, что я знал Государя, знал, что мне на Него положиться нельзя – знал Его бессилие, недоверчивость и отсутствие всякого синтеза при довольно развитой способности к анализу.

Уехать из России я желал не потому, что хотел уйти от грядущих событий, а потому что это представлялось мне единственным способом, чтобы меня подобно тому, как это случилось с назначением меня в Портсмут, не взяли и не бросили вновь в огонь после того, как сами, разжегши огонь, не найдут охотников лезть его гасить. Положение дел все ухудшалось, революция выходила наружу через щели и обратила эти щели в ворота. Так как гр. Сольский занимал место председателя Государственного Совета, финансового комитета и председателя совета министров (вместо Его Величества) и под его председательством в совете (или совещании, так как в сущности по закону совет мог быть только под председательством Государя) шли всякие заседания по установлению различных законов в развитие закона 6-го августа о Государственной Думе, то я его видел довольно часто. Он, видимо, совсем пал духом, потерял всякие надежды и совместно со своей женой постоянно твердил, что все ожидают лишь спасения от меня. Как то в начале октября, как я уже рассказывал, на эти замечания, что все ожидают лишь от меня спасения, я сказал гр. Сольскому, что мое, не только желание, но решение ухать за границу отдохнуть после Портсмутского путешествия. Эти слова вызвали у Сольского волнение и он плача сказал мне: «ну, что же, уезжайте и оставляйте нас здесь всех погибать. Мы же погибнем, так как без вас я не вижу выхода».

Этот разговор и понудил меня 6-го октября просить Государя меня принять. Записка, о которой упоминается в выше приведенной справке о 17 октября, была оставлена у Его Величества; она по всей вероятности находится в архивах министерства двора. Государь все время на вид казался спокойным, вообще Он всегда в обращении и манере себя держит очень спокойно.

10-го октября я думал, что Государь кроме Императрицы пригласит кого либо из Великих Князей. Императрица Мария Феодоровна находилась в то время в Дании. Он никого не пригласил вероятно потому, что не хотел на себя взять инициативу, а Царская семья, т. е. Великие Князья, за исключением двух братьев Николаевичей, тоже не горели желанием придти на помощь Главе дома. Что же касается Вел. Кн. Николая Николаевича, то он в это время охотился в своем имении, а Петр Николаевич находился, кажется, в Крыму.

Такие отношения в Царском доме сложились главным образом благодаря Императрице Александре Феодоровне Николаевне, женатые на черногорках, Ее горничных, потому и пользовались благоволением Его Величества. Я после слышал от министра двора бар. Фредерикса упреки Вел. Кн. Владимиру Александровичу за то, что он в это трудное время, будучи в Петербурге, не пришел на помощь Государю советом. С своей стороны я думаю, что если бы Вел. Князь в это время проявился, то тогда ему дали бы понять, чтобы он не вмешивался не в свое дело.

Государь не терпит иных кроме тех, которых он считает глупее себя, и вообще не терпит имеющих свои суждения, отличные от мнений дворцовой камарильи (т. е. домашних холопов), и потому эти «иные», но которые не желают портить свои отношения, стремятся пребывать в стороне. 10-го октября Императрица во время моего доклада не проронила ни одного слова, а Государь первый раз сказал свое мнение о манифесте.

Возвратившись домой, я долго думал об этом и к мнению о манифесте отнесся скептически и в конце концов отрицательно; вот почему. Мне прежде всего представлялось, что никакой манифест не может точно обнять предстоящая преобразования, а всякие неточности и особенно двусмысленности могут породить большие затруднения. Поэтому я находил, что преобразования должны проходить законодательным порядком и, – впредь до придания законодательным учреждениям прав решения, – в порядке совещательном или через Государственный Совет (старый) или через Булыгинскую думу, когда она будет собрана (т. е. по закону 6-го августа). До известной степени я боялся, чтобы манифест не произвел неожиданного толчка, который еще более бы нарушил равновесие в сознании масс, как интеллигентных, так и темных.

Наконец, находясь около двух лет не у живого дела, у меня явилось желание осмотреться. 11-го числа или 12, не помню, кто то мне сказал, что Государь совещается с некоторыми лицами, с кем, именно, я не спрашивал, и меня это не интересовало, но я думал, что с Чихачевым, гр. Паленом, а, может быть, и с гр. Игнатьевым, на которого я в это время указал министру двора бар. Фредериксу, что, может быть, Государь с ним посоветуется, и он окажется подходящим диктатором, если Его Величество остановится на диктатуре.

Сам я в диктатуру не верил, т. е. не верил, чтобы она могла принести полезные плоды для Государя и отечества, что я и высказывал Его Величеству откровенно, но в душе я имел слабость ее желать из эгоистических стремлений, так как тогда я был бы избавлен стать во главе правительства в такое трудное время и при условиях таких, хорошо известных мне свойств Его Величества и двора, прелесть коих я уже на себе ранее испытал и которые внушали мне самые тревожные опасения.

Я понимал, что ни на благодарность, ни на благородство души и сердца рассчитывать не могу; в случае удачи меня уничтожат, окончательно испугавшись моих успехов, а в случае неудачи будут рады на меня обрушиться вместе со всеми крайними. Желая себе выяснить, на сколько можно положиться на военную силу, я устроил в течение этих дней у себя заседание, в котором участвовали два официальных представителя военной силы, военный министр и ген. Трепов, бывший в то время начальником Петербургского гарнизона; они произвели на меня весьма тягостное впечатление, в их мнениях явно сквозило, что рассчитывать на успокоение через войска невозможно и не потому, что это средство само по себе, конечно, длительного и здорового успокоения дать не могло, а вследствие отчасти неблагонадежности, а главное, слабости этой силы. Вероятно, те же речи держали Государю представители военной силы, а в том числе. и Вел. Кн. Николай Николаевич и по всей вероятности поэтому Он не остановился на диктатуре.

Иначе я себе не могу объяснить, почему Государь не решился на диктатуру, так как Он, как слабый человек, более всего верит в физическую силу (других конечно), т. е. силу Его защищающую и уничтожающую всех Его действительных и подозреваемых, основательно или

по ложным наветам, врагов, причем, конечно, враги существующего неограниченного, самопроизвольного и крепостнического режима, по Его убеждению, суть и Его враги.

Великий Князь Николай Николаевич после того, как мы были у Его Величества по делу пресловутого Биоркского соглашения, уехал к себе в имение, и я его с тех пор не видал до заседания у Государя 15-го. Оказалось, что он тогда только что вернулся с охоты по вызову Государя. Несмотря на то, что я 14-го числа снова советовал Государю ограничиться утверждением моей программы, того же числа кн. Орлов, передавая мне по телефону, чтобы я прибыл на следующий день, 15-го утром, на заседание, сказал мне повеление Государя привезти с собой проект манифеста, «дабы все исходило лично от Государя и чтобы намеченные мною меры в докладе были выведены из области обещаний в область Государем даруемых фактов».

Из этого разговора с Орловым я усмотрел, что он принимает какое то участие в деле, но какое я не знал и не придавал ему должного значения, зная Орлова, как приятного салонного собеседника, но человека совсем не серьезного и без всякого серьезного образования. Затем я узнал от кн. Н. Д. Оболенского, что он знал о разговоре Орлова со мною по телефону, что вышеприведенная формула была не случайная, а обдуманная, изложенная на записке (шпаргалке) у Орлова.

Впоследствии я узнал, что Государя уговорили издать манифест не потому, что мерам изложенным в манифесте сочувствовали, а потому, что дали идею Государю, что я хочу быть президентом Всероссийской Республики и потому я хочу, чтобы меры должностующие успокоить Россию исходили от меня, а не от Его Величества. Вот для того, чтобы расстроить мои планы о президентства, уговорили Государя, что Он непременно должен издать манифест. Нужно воспользоваться мыслями гр. Витте, а затем можно с ним и прикончить.

Сначала решили ограничиться телеграммой, данной мне 13 числа, а когда я настаивал, чтобы были приняты более решительные меры и в случае принятия моей программы просил ее утверждения, тогда уже решили, что в таком случае необходим манифест, дабы я не сделался президентом республики. Как все это не невероятно, но, к сожалению, я пришел к заключению, что это было так. Князь Орлов и другие обер-лакеи Его Величества (не настоящие лакеи, ибо Государь был окружен честными слугами Его физических потребностей) тогда же выказывали опасения о моем президентстве князю Оболенскому. Этот факт и то, что Государь мог, хотя в некоторой степени, действовать под влиянием подобных буффонад, наглядно показывает, каким образом Россия после 8–9 летнего царствования Императора Николая II упала в бездну несчастий и полной протрации.

Как мне впоследствии (После того, как я оставил пост председателя совета министров.) рассказывал кн. Николай Дмитриевич Оболенский (до настоящего времени заведующий кабинетом Его Величества), он, усматривая из разговора с кн. Орловым какое то безумное недоразумение – с одной стороны недоверие ко мне, а с другой потребность и вернее непреодолимое желание (род нравственного недуга), чтобы я стал во главе правительства, он, кн. Оболенский, решил тогда же устранить это грозное по возможным последствиям и безумное недоразумение.

Зная, что Государь находился совсем в руках своей Августейшей супруги, которая к тому же отлично относилась к кн. Н. Д. Оболенскому, по причинам, о которых я упоминал ранее в настоящих записках, он отправился к ней. Явившись к Императрице, он встал на колени и умолял Императрицу, чтобы Государь не назначал меня председателем совета, объяснив, что из этого ничего кроме беды не выйдет, так как он ясно видит, что Государь мне не доверяет, а между тем, он, кн. Оболенский, меня знает, что и я с своей стороны не могу быть в чьих бы то ни было руках послушным инструментом в виду моего характера, что под 60 лет характер не меняют, и что при таком положении вещей, очевидно, дело не пойдет: как, только насту-

пят признаки успокоения, Государь будет слушаться других, а я этого не потерплю, буду упрямиться даже в тех случаях, когда при доверчивом отношении друг к другу шел бы на компромиссы, кончится тем, что я в самом непродолжительном времени уйду, возбужу по отношению к себе дурные, мстивые, злонамеренные чувства у Государя и в результате больше всего пострадает дело – Россия и ее Государь.

Ее Величество все сие выслушала молча и отпустила князя Оболенского.

Но после этого, а, в особенности, когда я покинул пост председателя, Государыня совершенно отвернулась от кн. Оболенского. Прежде он был самый интимный у них в доме человек, теперь он никогда более не приглашаем. Отношения к нему самые формальные, и когда кн. Оболенский остается вместо бар. Фредерикса управлять министерством двора, то всегда стараются устроить так, чтобы доклады его были после 2-х часов, т. е. после завтрака, так как, когда был раз доклад до завтрака, то Государь был видимо в неудобном положении.

Всегда и не только в Его время, но во время царствования Александра III, если Оболенский находился во дворце, то его приглашали интимно завтракать. После доклада Государь чувствовал, что не пригласить завтракать неудобно, а пригласить – пожалуй – достанется... Бедный Государь... Какой маленький – Великий Благочестивейший Самодержавнейший Император Николай II!

Для того, чтобы судить о настроении ближайшей свиты Государя в эти октябрьские дни, достаточно привести следующий факт. Когда мы шли в октябрьские дни на пароход в Петергофе (в течение всего этого времени железная дорога бастовала), на заседание с нами также ехал обер-гофмаршал двора ген. – адъютант граф Бенкендорф (брат нашего посла в Лондоне), человек не глупый, образованный, преданный Государю и из числа культурных дворян, окружающих престол. Он, между прочим, передавал сопровождающему меня Вуичу свои соболезнования, что в данном случае жаль, что у Их Величеств пятеро детей (4 Вел. Княжны и бедный, говорят, премилый, мальчик наследник Алексей), так как, если на днях придется покинуть Петергоф на корабле, чтобы искать пристанища за границей, то дети будут служить большим препятствием.

Из вышеприведенной записки, бывшей на контрольном усмотрении Государя Императора, видно, как составлялся манифест. Очевидно он составлялся на скорую руку, и я до самого момента его подписания думал, что Государь его не подпишет. Он бы его и не подписал, если бы не Вел. Князь Николай Николаевич – мистик, сейчас же вслед за 17 октября обратившийся в обер-черносотенца. Один из редакторов манифеста, почтеннейший кн. А. Д. Оболенский, как я после рассудил, был в состоянии неврастения. Он все таки твердил мне, что манифест необходим, а через несколько дней после 17 октября пришел ко мне с заявлением, что его сочувствие и толкание к манифесту было одним из величайших грехов в его жизни. Теперь он, по-видимому, уравновесился и смотрит на вещи более здорово. Сам по себе он человек благородный и талантливый, но устойчивым равновесием Бог его мало наградил.

При возвращении из Петергофа с заседания на пароход кто то проговорился, и я в первый раз услышал фамилию Горемыкин. Кто то сказал, что вероятно сегодня еще придется тому же пароходу, на котором мы ехали, везти из Петергофа Горемыкина. Как потом оказалось, Его Величество почти одновременно вел два заседания и совещания – одно при моем участии, а другое при участии Горемыкина.

Такой способ ведения дела меня весьма расстроил, я увидел, что Его Величество даже теперь не оставил свои «византийские» манеры, что он не способен вести дело начистоту, а все стремится ходить окольными путями, и так как Он не обладает талантами ни Меттерниха, ни Талейрана, то этими обходными путями он всегда доходит до одной цели – лужи, в лучшем случае помоев, а в среднем случае – до лужи крови или окрашенной кровью.

Если сведение, случайно дошедшее до меня на пароходе о Горемыкине, меня взорвало, то с другой стороны оно меня и обрадовало, так как это дало мне основание уклониться от желания во что бы то ни стало поставить меня во главе правительства.

16-го днем я вызвал по телефону бар. Фредерикса, министра двора, и ему, а равно дворцовому коменданту князю Енгальчеву (так как барон Фредерикс сам затруднялся говорить по телефону) говорил, что до меня дошли сведения, что в Петергофе происходят какие-то совещания с Горемыкиным и Будбергом и что предполагают изменять оставленный мною у Его Величества проект манифеста, что я, конечно, ничего против этих изменений не имею, но под одним условием, чтобы оставить мысль поставить меня во главе правительства, и если же, несмотря на мое желание уклониться от этой чести, меня все-таки хотят назначить, то я прошу показать мне, какие изменения полагают сделать, хотя я остаюсь при мнении, что покуда никакого манифеста не нужно. На это мне бар. Фредерикс ответил, что предполагается сделать только несколько редакционных изменений и что они надеются, что я не буду настаивать для выигрыша времени на том, чтобы мне показали предполагаемые изменения. Я ответил, что я все-таки прошу эти изменения мне показать. Мне ответили, что вечером барон Фредерикс будет у меня и мне изменения покажет. Вечером у меня были братья Оболенские – Алексей и Николай. Они сидели у жены. Барон Фредерикс все не приезжал.

Наконец, он приехал уже за полночь и вместе с директором своей канцелярии Мосоловым (женатым на сестре ген. Трепова). Мы, т. е. я, барон Фредерикс и его помощник кн. Н. Оболенский, уселись, и разговор начался с того, что бар. Фредерикс сказал, что он ошибся, передав мне, что в проекте манифеста сделаны лишь редакционные изменения, а что он изменен по существу, и мне предъявили оба проекта, с указанием на один из них, на котором остановились. Все эти экивоки, какая то недостойная игра, тайные совещания, при моей усталости от поездки в Портсмут и болезненном состоянии, меня совсем вывели из равновесия. Я решил внутренне, что нужно с этим положением покончить, т. е. сделать все, чтобы меня оставили в покое. Поэтому я отверг предъявленные мне анонимные, кем то тайно от меня составленные проекты манифеста. Они и по существу не могли быть приняты в предложенном виде. Если бы в это, решающее на много лет судьбы России, время, вели дело честно, благородно, по царски, то многие происшедшие недоразумения были бы избегнуты. При всей противоположности моих взглядов с взглядами Горемыкина и тенденциями балтийского канцеляриста барона Будберга, если бы они были призваны открыто со мною обсуждать дело, то общее чувство ответственности несомненно привело бы нас к более или менее уравновешенному решению, но при игре в прятки, конечно, события шли толчками и документы составлялись наскоро без надлежащего хладнокровия и неторопливости, требуемых важностью предмета.

Что же касается других тайных советчиков и царской дворни – кн. Орлова, кн. Енгальчева и пр., – то с ними никакого разговора, конечно, ни я, ни другой серьезный человек вести не мог. Эти люди могут быть только домашними советчиками бедного Императора Николая II. Я сделал все для того, чтобы меня оставили в покое.

Я, с свойственною моему характеру резкостью, просил бар. Фредерикса передать Государю, что я неоднократно ему докладывало, что ныне не следует издавать манифеста и вновь прошу доложить об этом моем мнении Его Величеству, но если Его Величество все-таки хочет манифест, то я не могу согласиться на манифесты, несогласные с моею программой, без утверждения коей я не могу принять на себя главенство в правительстве, что из всего я усматриваю, что Государь мне не доверяет, поэтому Он сделает большую ошибку, меня назначив на пост председателя, что Ему следует назначить одного из тех лиц, с которыми Он помимо меня совещается и которые составили предлагаемые проекты манифестов.

Все это я говорил таким тоном, что был уверен, что после этого меня оставят в покое. Во время этого разговора, вследствие моего вопроса – знает ли обо всем происходящем ген. Трепов, так как я с ним ни о чем не говорил и видел его только раз, на заседании, которое

было у меня, барон мне ответил, что они потому поздно и приехали, что засиделись у Трепова, читая ему все проекты.

Причем бар. Фредерикс теперь говорит, что будто бы он мне тогда говорил, что Трепов сделал какие то замечания по поводу редакции манифеста. Ни я, ни кн. Оболенский этого не помним, но, может быть, что либо в этом роде он и сказал, но так как я отрицал необходимость манифеста в данный момент, а, с другой стороны, думал только о том, чтобы кончить эту игру в каш-каш, то на заявление бар. Фредерикса об мнении Трепова я не обратил никакого внимания. Да мне были совершенно безразличны мнения Трепова о государственных вопросах. Мы расстались с бар. Фредериксом поздно ночью, часа в два, и расстались в довольно возбужденном состоянии.

Когда он уехал и я остался один, я начал молиться и просить Всевышнего, чтобы Он меня вывел из этого сплетения трусости, слепости, коварства и глупости. У меня была надежда, что после всего того, что я наговорил бар. Фредериксу, меня оставят в покое.

На другой день я снова по вызову поехал в Петергоф. С парохода я прямо отправился к бар. Фредериксу. Приезжаю и спрашиваю его – ну что, барон, передали все Государю, как я вас об этом просил? – Передал, ответил барон. – Ну? и слава Богу, меня оставят в покое. – Нисколько, манифест будет подписан в редакции, вами представленной, и ваш доклад будет утвержден. – Как же это случилось? – Вот как: утром я подробно передал Государю наш ночной разговор; Государь ничего не ответил, вероятно, ожидая приезда Вел Кн. Николая Николаевича. Как только я вернулся к себе, приезжает Великий Князь. Я ему рассказываю все происшедшее и говорю ему – следует установить диктатуру и ты (бар. Фредерикс с Великим Князем был на ты) должен взять на себя диктаторство. Тогда Великий Князь вынимает из кармана револьвер и говорит – ты видишь этот револьвер, вот я сейчас пойду к Государю и буду умолять Его подписать манифест и программу гр. Витте или Он подпишет, или я у Него же пушу себе пулю в лоб из этого револьвера, и с этими словами он от меня быстро ушел.

Через некоторое время Великий Князь вернулся и передал мне повеление переписать в окончательный вид манифест и доклад и затем, когда вы приедете, привезти эти документы Государю для подписи.

Это сообщение бар. Фредерикса меня весьма озадачило, я понял, что выхода более нет.

Впоследствии ген. Мосолов, директор канцелярии министра двора, рассказывал мне следующее: «Утром после того, что мы были у вас, я пришел к барону, у него в это время находился Великий Князь Николай Николаевич. Великий Князь спешно вышел от барона, тогда барон мне сказал: – Нет, я не вижу иного выхода, как принятие программы гр. Витте, я все рассчитывал, что дело кончится диктатурой, и что естественным диктатором является Великий Князь Николай Николаевич, так как он безусловно предан Государю и казался мне мужественным. Сейчас я убедился, что я в нем ошибся, он слабодушный и неуравновешенный человек. Все от диктаторства и власти уклоняются, боятся, все потеряли головы, поневоле приходится сдаться гр. Витте. – Что произошло между бароном и Великим Князем, мне тогда барон не объяснил», добавил генерал Мосолов.

Впоследствии он мне рассказывал, как Великий Князь, испугавшись, торопливо вырвал у Государя манифест и заставил принять программу гр. Витте. Под каким влиянием Великий Князь тогда действовал, мне было неизвестно. Мне было только совершенно известно, что Великий Князь не действовал под влиянием логики и разума, ибо он уже давно впал в спиритизм и так сказать свихнулся, а, с другой стороны, по «нутру» своему представляет собою типичного носителя неограниченного самодержавия или, вернее говоря, самоволия, т. е. «хочу и баста».

Не удивительно поэтому, что уже через несколько недель после 17 октября я узнал, что Великий Князь находится в интимных отношениях с главою начинающей образовываться черносотенной партии, т. е. с пресловутым мазуриком Дубровиным, а затем он стал почти явно во главе этих революционеров правой.

Они, ни по приемам своим, ни по лозунгам (цель оправдывает средства), не отличаются от крайних революционеров слева, они отличаются от них только тем, что революционеры слева – люди, сбившиеся с пути, но принципиально большею частью люди честные, истинные герои, за ложные идеи жертвующие всем и своею жизнью, а черносотенцы преследуют в громадном большинстве случаев цели эгоистические, самые низкие, цели желудочные и карманные. Это типы лабазников и убийц из-за угла. Они готовы совершать убийства также как и революционеры левые, но последние большею частью сами идут на этот своего рода спорт, а черносотенцы нанимают убийц; их армия – это хулиганы самого низкого разряда.

Благодаря влиянию Великого Князя Николая Николаевича и Государь возлюбил после 17 октября больше всех черносотенцев, открыто провозглашая их как первых людей Российской Империи, как образцы патриотизма, как национальную гордость. И это таких людей, во главе которых стоять герои вонючего рынка, Дубровин, гр. Коновницын, иеромонах Иллиодор и проч., которых сторонятся и которым во всяком случае порядочные люди не дают руки.

Мне долго не было точно известно, что побудило Великого Князя, так ревностно перед 17 октября стоять за тот переворот, который был совершен 17 октября. Я был только убежден, что между прочим трусость, во всяком же случае растерянность.

Затем уже более чем через год после этого события поведение Николая Николаевича перед 17 октября мне объяснил П. Н. Дурново влиянием на него главы одной из рабочих партии Ушакова. Дурново ранее, нежели в моем министерстве стал министром внутренних дел, был все время товарищем министра при Сипягине, Плеве, Мирском и Булыгине и заведывал ближайшим образом почтами и телеграфом, а, следовательно, и всей перлюстрацией, потому и знал многое, чего другие не знали.

Это сообщение Дурново меня крайне удивило, и так как Ушакова я знал, так как он был видным рабочим экспедиции заготовления государственных бумаг, когда я был министром финансов, то я начал его искать, нашел и просил ко мне зайти.

По возвращении моем из Америки в сентябре 1905 года он с несколькими рабочими являлся меня поздравить, затем, во время событий октября 1905 года, он у меня не был, после 17 октября он несколько раз заходил хлопотать об рабочих экспедиции и об урегулировании им рабочей платы после общей забастовки рабочих, бывшей в Петербурге. В октябрьские дни Ушаков не пристал к партии анархической, руководившей всей забастовкой (Носарь, Троцкий и пр.), и образовал малочисленную партию, которая по тем временам считалась крайне консервативной, а потому она преследовалась, так называемым, советом рабочих, который в октябрьские дни держал в руках взбунтовавшихся рабочих на всех почти фабриках.

Совет же рабочих состоял преимущественно из анархистов-революционеров. Когда в 1907 году пришел ко мне Ушаков, то я его спросил, правда ли, что в октябре 1905 года это он повлиял на Великого Князя Николая Николаевича, чтобы он настаивал на немедленном введении конституции. Ушаков мне ответил, что это действительно так было, тогда я его попросил написать мне, как именно это происходило и кем он был побужден к такой роли.

Вследствие моей просьбы он мне на другой день представил записку, которая хранится в моем архиве. Сущность записки заключается в том, что он в октябрьские дни и до этого времени вел борьбу, имеет за собою некоторую часть рабочих, с революционным рабочим движением, во главе которого стоял Носарь (Хрусталева), что его ввел к Николаю Николаевичу некий Нарышкин, с которым его познакомил кн. Андроников, что это было накануне 17 октября и что он убеждал Великого Князя, чтобы Государь дал конституцию, как необходимую меру,

чтобы выйти из тяжелого положения. Кн. Андроников – это личность, которую я до сих пор не понимаю; одно понятно, что это дрянная личность. Он не занимает никакого положения, имеет маленькие средства, не глупый, сыщик не сыщик, плут не плут, а к порядочным личностям, несмотря на свое княжеское достоинство, причислиться не может.

Он не кончил курса в пажеком корпусе, хорошо знает языки, но малого образования. Он вечно занимается мелкими политическими делами, влезает ко всем министрам, Великим Князьям, к различным общественным деятелям, постоянно о чем то хлопочет, интригует, ссорит между собой людей, что доставляет ему истинное удовольствие, оказывает нужным ему людям мелкие услуги, конечно, он ухаживает лишь за теми, кто в силе или в моде, и которые ему иногда открывают к себе двери. Это какой то политический мелкий интриган из любви к искусству.

Нарышкин – это не из тех настоящих Нарышкиных, за одним из братьев коих замужем моя дочь, с этими Нарышкиными он не имеет ничего общего. По существу, это дворянский «jeune premier», промотавший свое состояние, ничего в жизни не делавший, человек петербургского общества, спортсмен – охотник, и по охоте компаньон, а потому и близкий Николаю Николаевичу. Он повлиять и ввел Ушакова к Великому Князю. Очень может быть, что его познакомил с Ушаковым всюду проникающий кн. Андроников. Впрочем, в это время даже умные люди, прожившие деловую жизнь, теряли голову, а тем, у которых головы никогда не было, ее и терять было не нужно.

В совещаниях с Государем, о которых говорится в вышеприведенной справке, я конечно более или менее подробно высказывал свои суждения, но старался быть возможно объективнее, дабы не повлиять односторонне на Его Величество. Во всех моих суждениях я подробно развивал мысли, изложенные в докладе, вышеприведенном, опубликованном 17 октября вместе с манифестом, и все высказывал, что мысли эти составляли мое убеждение, к которому я пришел после обильного государственного опыта, и с которым пребываю до ныне, и с которым умру, но что все-таки это есть мое субъективное убеждение, что есть и другие мнения, а потому постоянно говорил и советовал Его Величеству выслушать тех, которые держатся других взглядов. В особенности, я обращал внимание на мысль об учреждении диктатуры. Что касается манифеста, то я не считал удобным издавать какой бы то ни было манифест, настоятельно рекомендуя только твердо утвердить мой всеподданнейший доклад (быть по сему, утверждаю – или что либо равносильное), но когда, вопреки моему совету, непременно пожелали немедленно издать манифест, и когда за моей спиной начали фабриковать манифесты, то, вопреки моему желанно, был спешно составлен манифест (Вуичем и кн. А. Д. Оболенским), и я настаивал, что, если непременно хотят манифест, то я не могу допустить иного манифеста, кроме того, который я поднес. Несомненно, что по крайней спешности, взбаламученности, манифест явился не в совсем определенной редакции, а главное, неожиданно.

Провинция, находившаяся в возбужденном состоянии, неожиданным появлением манифеста в некоторых местах, где власти были трусливы, сразу пришла в горячку. В некоторых местах крайние манифестации в одном направлении вызвали манифестации с противоположной стороны.

В иных местах эти реакционные манифестации, иногда связанные с погромами, конечно, «жидов», были если не организованы, то поощряемы местным начальством. Таким образом, манифест 17 октября по обстановке, в которой он появлялся, отчасти способствовал многим беспорядкам, вследствие своей неожиданности и растерянности на местах. Этого, именно, я и боялся, вследствие чего, между прочим, я высказался против манифеста. Кроме того, манифест наложил печать спешности на все остальные действия правительства, так как, предпретив и установив принципы, он конечно не мог установить подробности даже в крупных чертах.

Пришлось все вырабатывать спешно, при полном шатании мысли, как на верху, так и в обществе.

Конечно, всем этим весьма воспользовалась анархия для своих революционных целей; она сбила с толку многих темных людей, даже более темные массы.

Это содействовало революции, которая готовилась уже многие годы и которая вырвалась наружу, благодаря преступной и бессмысленной войне, показавшей всю ничтожность государственного управления. Кто виноват в этой войне? В сущности, никто, ибо, единственно, кто виноват, это и самодержавный и неограниченный Император Николай II. Он же не может быть признан виновным, ибо Он не только, как самодержавный помазанник Божий, ответствен лишь перед Всевышним, но кроме того, с точки зрения новейших принципов уголовного права, Он не может быть ответствен как человек, если не совсем, то, во всяком случае, в значительной степени, невменяемый.

Таким образом, нельзя не признать, что, с точки зрения логики, манифест 17 октября был актом, подлежащим порицанию; но, с другой стороны, последующие события дают полное оправдание манифесту 17 октября.

Действительно, манифест 17 октября, в редакции, на которой я настаивал, отрезает вчера от сегодня, прошедшее от будущего. Можно и должно было не спешить этой исторической операцией, сделать ее более осторожно, более антисептически, но операция эта, по моему убеждению, не много ранее или не много позже, была необходима. Это неизбежный ход истории, прогресса бытия.

Между тем, события после 17 октября очевидно показали, что если бы вороны не попугались, то и не оставили бы тот живой организм, с которым их клювы часто обращались, как с падалью, и это даже вошло, как бы, в привычку при дворцовой высшей челяди, что развращало самого Помазанника, когда таковой не мог стоять на своих ногах, жить своим разумом, своими чувствами, а главное, не отступать от того, что на сем свете признано благородными людьми считать честным.

Когда громкие фразы, честность и благородство существуют только на показ, так сказать, для царских выходов и приемов, а внутри души лежит мелкое коварство, ребяческая хитрость, пугливая лживость, а в верхнем этаже не буря, даже не ветер, а сквозные ветерочки из дверей, которые обыкновенно в хороших домах плотно припираются, то, конечно, кроме развала ничего ожидать нельзя от неограниченного самодержавного правления. При такой обстановке несомненно, что, если бы не было 17 октября, то, конечно, оно в конце концов произошло бы, но при значительно больших несчастьях, крови и крушениях. Поэтому, хотя я не советовал издавать манифеста 17 октября, тем не менее, слава Богу, что он совершился. Лучше было отрезать, хотя не совсем ровно и поспешно, нежели пилить тупую, кривую пилюю, находящейся в руке ничтожного, а потому бесчувственного оператора, тело русского народа.

В течение всех октябрьских дней Государь, когда я был с Ним, казался совершенно спокойным. Я не думаю, чтобы Он боялся, но Он был совсем растерян, иначе при Его политических вкусах, конечно, Он не пошел бы на конституцию.

Государь по натуре индифферент – оптимист. Такие лица ощущают чувство страха только, когда гроза перед глазами и, как только она отодвигается за ближайшую дверь, оно мигом проходит. Их чувство притуплено для явлений, происходящих на самом близком расстоянии пространства или времени. Мне думается, что Государь в те дни искал опоры в сил, Он не нашел никого из числа поклонников силы – все струсили, а потому Сам желал манифеста, боясь, что иначе Он совсем ступается. Кроме того, в глубине души не может быть, чтобы Он не чувствовал, что главный, если не единственный, виновник позорнейшей и глупейшей войны, это Он; вероятно, Он инстинктивно боялся последствий этого кровавого мальчуганства

из за угла (ведь, сидя у себя в золотой тюрьме, ух, как мы храбры...), а потому, как бы искал в манифесте род снискания снисхождения или примирения. Когда 17-го утром после свидания Его Величества с Великим Князем Николаем Николаевичем, Великий Князь, барон Фредерикс и я пришли к Нему и поднесли для подписи манифест и для утверждения мой доклад, то Он, обратившись ко мне, сказал, что решил подписать манифест и утвердить доклад.

Затем, Он сел у стола, ранее вставши, чтобы перекреститься, а потом подписал манифест и доклад. Это происходило в Его маленьком дворце (который был построен, когда Он еще был Наследником и в котором он всегда жил) в Петергофе на берегу моря, в Его кабинете, не у стола, стоящего на возвышенности, где Он принимает доклады, а на столе, на котором Он занимается, стоящем в середине комнаты.

В октябрьские дни (т. е. с 6-го по 17-ое) Великие Князья, кроме Николая Николаевича, по-видимому, не видали Государя. Императрица Мария Феодоровна была в Дании. 15-го граф Ламсдорф мне говорил, что наш посланник в Дании едет в Петербург из Копенгагена с каким то поручением. Затем, 18 или 19 был у меня Извольский, расспрашивал о 17 октября и сказал мне, что он приехал сюда из Копенгагена с поручением от Марии Феодоровны передать Его Величеству, что по мнению Императрицы нужно дать конституцию, но что он опоздал. Тоже мне затем передавал граф Ламсдорф, но я не знаю, передавал ли будущий министр иностранных дел Государю о своем поручении или нет.

Тогда я не обратил на это никакого внимания и мне было не до того. Я, кажется, даже забыл отослать свою карточку Извольскому. Императрица Мария Феодоровна вернулась значительно позже 17 октября. После Ее приезда я у нее был в Гатчине. Она, по обыкновению, меня приняла очень ласково, что имело место всегда после смерти Императора Александра III. Это был последний раз (до настоящего времени), когда я наедине довольно долго с Ней говорил. Относительно 17 октября Она мне сказала, что в Петергофе Ей сказали, что манифест был вырван. Я Ей доложил, как было дело. Относительно настоящего и будущего положения дел я Ей объяснил, что положение очень серьезное, море бушует и нужно много хладнокровия, выдержки и твердости, чтобы море успокоилось, причем я ей высказал, что, как это обнаруживается с каждым днем все более и более, я управлять страню не могу.

Государем владеет Трепов, он – Трепов, а не Государь пишет мне резолюции. Государь уже мне не доверяет. При таком направлении дел ничего кроме постоянной чепухи происходить не может. Или пусть Государь мне доверяет, или пусть передаст власть Трепову или тому, кому Он доверяет, а таким образом невозможно вести дело. На это Императрица мне буквально ответила следующее: «Вы хотите сказать, что Государь не имеет ни воли, ни характера – это верно, но ведь в случае чего либо Его заменит Миша (Великий Князь Михаил Александрович). Я знаю, что Вы Мишу очень любите, но поверьте мне, что он имеет еще менее воли и характера». Я на это ответил: «Вы, может быть, правы, но от этого не легче». Не знаю, передала ли Императрица – мать своему Августейшему сыну настоящей разговор? Думаю, что да.

В октябрьские дни, во время свиданий с Его Величеством, перечисленных в вышеприведенной Высочайше подтвержденной справке, я имел случай высказать довольно много мыслей по собственной инициативе или же вследствие вопросов или суждений высказанных присутствующими. Когда я докладывал в присутствии Императрицы Александры Феодоровны, Она не выронила ни одного слова, сидела, как автомат, и по обыкновению красне ла, как рак.

Во время этих свиданий я, между прочим, высказал следующие мнения. Люди созданы так, что стремятся к свободе и к самоуправлению. Хорошо ли это для человечества вообще или для данной нации в частности, это вопрос с точки зрения практики государственного управления довольно праздный, как, например, праздный вопрос – хорошо ли, что человек до известного возраста растет или нет? Если во время не давать разумные свободы, то он сами себе

пробьют пути. Россия представляет страну, в которой все реформы по установлению разумной свободы и гражданственности запоздали и все болезненные явления происходят от этой коренной причины. Покуда не было несчастной войны, прежний режим держался, хотя в последние годы перед войной он уже претерпевал потрясения; несчастная война пошатнула главное основание того режима – силу и, особенно, престиж силы, сознание силы.

Теперь нет выхода без крупных преобразований, могущих привлечь на сторону власти большинство общественных сил. Тем не менее я не советовал действовать скоропалительно, но принять твердые решения и, затем, от них не отступать и дать убеждение России, что принятые решения бесповоротны. Я говорил Государю, что будет хуже всего, если Он примет какое либо решение вопреки своему убеждению или инстинкту, ибо решение это не будет прочно.

Высказывая самым определенным образом свои убеждения, резюмированные в опубликованном 17 октября моем всеподданнейшем докладе, Высочайше утвержденном, я вместе с тем многократно повторял, что я, может быть, ошибаюсь, а потому усиленно советовал обратиться к другим государственным деятелям, которым Государь доверяет, но, конечно, я не посоветовал это делать исподтишка, по секрету, а в особенности, не посоветовал бы совещаться с такими ничтожествами, как Горемыкин, Будберг, не говоря уже о царедворственных лакеях по призванию (так душа создана). Зная, что Его Величество не обладает способностью понимать реальную сложную обстановку, я, в особенности, указывал на то, что положение так болезненно, что на скорое успокоение рассчитывать невозможно, какое бы решение не принять. Когда я видел, что Его Величество желает (*faute de mieux*) возложить все бремя власти на меня, я счел нужным выяснить ему положение вещей следующим примером.

«Приходится переплыть разбушевавшийся океан. Вам советует одно лицо взять такой то курс и сесть на такой то пароход, другое лицо – другой курс и другой пароход, третий – третий и т. д. На какой бы вы пароход ни сели и какой бы вы курс ни взяли – переплыть океан без некоторой опасности, а в особенности, без больших аварий будет невозможно. Я уверен, что мой пароход и мой курс будет менее опасными и во всяком случае с точки зрения будущего России наиболее целесообразными.

Но если Вы решитесь поехать на моем пароходе и взять мой курс, то вот что произойдет, Ваше Величество. Когда мы отойдем от берега, начнет качать, затем, будут ежедневные аварии – то, что либо в машине сломается, то те или другие палубные части будет сносить, то снесет тех или других спутников и тогда Вам сейчас же начнут говорить – вот, если бы Вы поехали на другом пароходе, то этого не было бы, если бы Вы взяли другой курс, то этого не случилось бы и проч. и проч.

Так как подобные утверждения проверять нельзя, то всему можно поверить и тогда начнутся сомнения, дергания, интриги и все это для меня, несомненно, а главное, для дела кончится очень плохо...»

Государь это выслушал и показывал, что мне верит, но, конечно, то, что я предвидел, и случилось. Что же касается уверений Государя, то я уже тогда знал, что Ему вообще нельзя верить.

Он Сам себе не должен верить, ибо человек без направлений сам не может направиться, его направляют ветры и, к сожалению, большею частью даже из не хороших источников. Я счел необходимым и нравственно себя обязанным указать Государю еще на следующее весьма важное обстоятельство, хотя по понятной причине мне было это тяжело высказать моему Государю, которого я знал с юности, которому служил с первого дня Его царствования, и который есть сын того Императора, перед памятью которого я молитвенно преклоняюсь.

Я обратил внимание Его на то, что все мы живем под Богом; если, чего Боже сохрани, с Ним что-нибудь случится, то останется младенец Император и регент Михаил Александрович, совсем к управлению не подготовленный. Россия после Бирона не знала регентов; и это может произойти во время самой глубокой революции – не так еще действий, как духа Рос-

сии. Положение делается для династии совершенно безвыходным. В виду этого необходимо, чтобы режим управления оперся на широкую платформу, на платформу русского общественного сознания, хотя бы со всеми недостатками, присущими сознанию толпы, в особенности, малокультурной. Я говорил, что лучше воспользоваться, хотя и неудобной гаванью, но выждать бурю в гавани, нежели в бушующем океане на полугнилом корабле.

После подписания 17 октября манифеста и утверждения моего доклада мы сели на пароход и пошли обратно в Петербург, куда вернулись к обеду. Ехал Великий Князь Николай Николаевич, барон Фредерикс, я, князь Оболенский и Вуич... Великий Князь был в хорошем расположении духа, тоже и барон Фредерикс, который, впрочем, лишен способности понимать что либо мышлением. Князь Оболенский был в восторженно-невменяемом расположении. В последние дни перед 17-м он неотступно ходил за мною, все уверяя, что все потеряно, если немедленно не последует манифест, что не помешало ему через несколько дней после подписания манифеста, когда все поуспокоилось и страх в нем несколько улегся, заявить мне, что самый большой грех его жизни, который он никогда себе не простит, это то, что он так настаивал передо мною на манифест.

Теперь в Виши, тому назад две недели, П. Н. Дурново мне говорил, что будто именно князь Оболенский устроил свидание Великого Князя Николая Николаевича с Ушаковым, и что он ему как будто хвастал, что благодаря ему последовал манифест, что это он устроил через Нарышкина. Я этому не поверил, а потому, не зная, на сколько это верно, думаю, что скорее это было маленькое хвастовство. Одно несомненно, что князь Алексей Дмитриевич Оболенский мелкий человек, либеральный дворянин, философ училища правоведения.

Великий Князь, обратившись ко мне, сказал: «Сегодня 17-е – это знаменательное число. Второй раз в это число спасается Императорская семья (Борки)». Привожу этот эпизод лишь для характеристики настроения. Я же был совсем не в радужном настроении. Я отлично понимал, что придется много испытать, главное же, зная Государя, я предчувствовал, что Он и в без того трудное положение внесет еще большие трудности и, в конце концов, я должен буду с Ним расстаться.

В Петербурге все ждали, чем это все кончится. Знали, что ведутся какие то переговоры со мною и с другими лицами, что идет какая то борьба, и ждали, чья сторона возьмет верх, граф Витте – что представляло синоним либеральных реформ, или появится последний приступ мракобесия, который на этот раз, как того с нетерпением ожидали все революционеры, совсем свалить Царствующий дом. Надежды эти были весьма основательны, так как Царь возбуждал или чувство отвращения, злобы или чувство жалостного равнодушия, если не презрения; Великие Князья были совсем или скомпрометированы, или безавторитетны; правительство, не имея ни войска, ни денег и не имея способности справиться с общим неудовольствием и бунтами, окончательно растерялось.

Вечером знали о манифесте 17 октября не только в Петербурге, но и в провинциях. Такого крупного шага не ожидали. Все инстинктивно почувствовали, что произошел вдруг «перелом» России XX-го столетия, но «перелом» плоти, а не духа, ибо дух может лишь погаснуть, а не переломиться. Сразу манифест всех ошеломил. Все истинно просвещенные, не озлобленные и не потерявшие веру в политическую честность верхов, поняли, что обществу дано сразу все, о чем оно так долго хлопотало и добивалось, в жертву чего было принесено столь много благородных жизней, начиная с декабристов. Озлобленные, неуравновешенные и потерявшие веру в Самодержавие считали, что вместе с режимом должны быть свалены и его высшие носители и, конечно, прежде всего, Самодержец, принесший своими личными качествами столько вреда России.

Действительно, Он Россию разорил и сдернул с пьедестала и все только благодаря своей «Царской ничтожности».

Многие побуждались к сему соображением, что Он сдался испугавшись, а как только Его немного укрепят, Он на все начнет (что, между прочим, Он проделал и со мной) и всему даст другое толкование. Я, мол, пошутил, или Меня обманули, или найдет самые разнообразные толкования в Монблане русских законов и будет давать в каждом данном случае желательное по данному времени направление. А ведь лишь бы Царь пожелал плавать в этом болоте лжи и коварства, а охотников с Ним в этом болоте полоскаться всегда найдутся сотни, если не тысячи. Многие, если не все инородцы, которые так много натерпелись от различных мер, против них направленных, начиная с последних годов царствования Императора Александра II и затем усилившихся в царствование Императора Александра III и уже без удержки применявшихся в безумное царствование Императора Николая II, конечно, были рады несчастьям России.

Они с значительным увлечением, всегда присущим смутным временам, ждали своего рода освобождения от «русско-монгольского» ига. Всякая молодежь всегда склонна к увлечениям.

Русская молодежь к сему была особенно склонна, отчасти из за общей атмосферы малокультурной России, отчасти из за тех принципов общего управления, из за всей административно-государственной жизни, в атмосфере которой она жила.

Принципы не соответствовали, однако, тем культурным прогрессивным идеям, которым их учили в школах, в особенности, в высших, и которые проповедывались печатно, хотя в сдержанно-цензурных формах, массою писателей. Многие из них временно гремели не столько благодаря своим талантам, сколько благодаря тем прогрессивным, бегающим идеям, которые они проповедывали.

Достаточно вспомнить, что в так называемый писаревские времена (60–70 гг.) Пушкин был выкинут в сор, а Некрасов поднят на поэтический пьедестал, главным образом не из за поэзии, а за политические претензии в его стихах содержащиеся. Вся русская молодежь уже во времена министра внутренних дел Горемыкина кипела и с тех пор т. е. в течение 11 лет кипение это все более и более усиливалось и дошло во времена Булыгина – Трепова до безумного бурления. А ведь молодежь, а в особенности университетская, более чем кто либо способна на всякие эксцессы, на восприятие всяких умственных и духовных болезненных эпидемий.

Что собственно представляет собою молодежь? Ведь это зеркало, часто дающее преувеличенные, но все таки в общем верные изображения духовного состояния общества, т. е. мыслящей России. Для того, для которого это представляет несомненную истину, достаточно изучить жизнь высших школ за время царствования Императора Николая II, чтобы понять, что все назрело для того, чтобы даже при малейшей неосторожности нарыв лопнул. А тут вышла не неосторожность, а из ряда вон выходящее мальчишеское безумие – японская война, несомненно нами вызванная.

Замечательно, что главным образом во время войны кипение в высших учебных заведениях заразило почти все средние учебные заведения и не только мужские, но и женские. Вся молодежь сыграла громадную роль в так называемых беспорядках, предшествующих 17 октября. 17 октября произвело одновременно перелом в обществе, а потому и в молодежи, но конечно в октябрьские дни молодежь находилась, если можно так выразиться, в революционном недоумении, а так как молодежи внушали «не верьте, 17 октября есть ничто иное, как маневр», то естественно, что молодежь находилась в полном революционном недоумении, бросаясь то к гимну «Боже Царя храни», то в громадном большинстве случаев к русской марсельезе.

Громадную роль в событиях 17 октября и в последующее время сыграли социалистические идеи в различных видах и формах, отрицающие и колеблющие право собственности

по принципам римского права, мысли Толстого, учение Маркса и, наконец, просто «экспроприация» или грабеж под фирмой «анархического социализма». Эти социалистические идеи вообще сделали большие завоевания в Европе и в последнее полувековье и нашли себе отличную ниву в России вследствие неуважения прав вообще и в частности права собственности со стороны властей и малой культурности населения.

Когда революционеры начали сулить рабочим фабрики, а крестьянам барскую землю и им доказывать, что в сущности это им и принадлежит, а только неправильно от них отнято, то понятно, что рабочие были охвачены дикими забастовками, а крестьяне «красным петухом» или по преступному ораторскому изречению в первой Государственной Думе Герценштейна «иллюминациями» (даже с ораторской точки зрения это только плагиат из речи одного из ораторов в эпоху французской революции). Эти явления весьма содействовали революционным вспышкам после 17-го октября в течение первых трех, четырех месяцев. *

Глава тридцать пятая

Первые дни моего премьерства

* Вернувшись 17 октября к обеду домой, я на другой день должен был снова поехать в Петергоф, чтобы объяснить относительно министерства. Одобрение моей программы в форме резолюции «принять к руководству» и подписание манифеста 17 октября, который в высокочественной форме окончательно и бесповоротно вводит Россию на путь конституционный, т. е. в значительной степени ограничивающий власть Монарха и устанавливающий соотношение власти Монарха и выборных населения, отрезал мне возможность уклониться от поста председателя совета министров, т. е. от того, чтобы взять на себя бразды правления в самый разгар революции.

Таким образом, я очутился во главе власти вопреки моему желанию после того, как в течение 3–4 лет сделали все, чтобы доказать полную невозможность Самодержавного правления без Самодержца, когда уронили престиж России во всем свете и разожгли внутри России все страсти недовольства, откуда бы оно ни шло и какими бы причинами оно ни объяснялось. Конечно, я очутился у власти потому, что все другие симпатичные Монаршему сердцу лица отпраздновали труса, уклонились от власти, боясь бомб и совершенно запутавшись в хаосе самых противоречивых мер и событий.

Повторилось то, что случилось перед Портсмутом: точно так, как тогда Государь был вынужден обратиться ко мне, чтобы я принял на себя тяжелую миссию ликвидировать постыдную войну, ибо Нелидов (посол в Париже), Муравьев (посол в Риме), кн. Оболенский (В. С. – товарищ министра иностранных дел) от сей чести отказались, один по старости, другой по болезни, а третий по добросовестности, чувствуя себя к сему неспособным и точно так и теперь Государь был вынужден обратиться ко мне, потому что Горемыкин уклонился, гр. Игнатьев испугался, а Трепов запутался в противоречиях и не знал, как удрать от хаоса, который в значительной степени им самим же был создан. Как в первый раз, так и теперь, во второй, я волею Государя был брошен в костер с легким чувством: «если, мол, уцелеет, можно будет затем его отодвинуть, а если погибнет, то пусть гибнет. Неприятный он человек, ни в чем не уступает и все лучше меня знает и понимает. Этого Я терпеть не могу».

В Петергофе я успел объяснить только по следующим вопросам. Во-первых было решено, что обер-прокурор Победоносцев оставаться на своем посту не может, так как он представляет определенное прошедшее, при котором участие его в моем министерстве отнимает у меня всякую надежду на водворение в России новых порядков, требуемых временем.

Я просил на пост обер-прокурора святейшего синода назначить князя Алексея Дмитриевича Оболенского. С какою легкостью Государь расставался с людьми и как Он мало имел в этом отношении сердца, между тысячами примеров может служить пример Победоносцева.

Его Величество сразу согласился, что Победоносцев остаться не может, и распорядился, чтобы он оставался в Государственном Совете, как рядовой член, и на назначение вместо него князя Оболенского. Затем мне пришлось ходатайствовать, чтобы за Победоносцевым осталось полное содержание и до его смерти, чтобы он оставался в дом обер-прокурора на прежнем основании, т. е. чтобы дом содержался на казенный счет. Я кроме того заезжал к министру двора обратить его внимание на то, чтобы со стариком поступили возможно деликатнее, и чтобы Его Величество ему Сам сообщил о решении частно.

Если бы я об этом не позаботился, то Победоносцев просто на другой день прочел бы приказ о том, что он остается просто рядовым членом Государственного Совета, и баста. Между

тем, можно иметь различные мнения о деятельности Победоносцева, но несомненно, что он был самый образованный и культурный русский государственный деятель, с которым мне приходилось иметь дело. Он был преподавателем Цесаревича Николая, Императора Александра III и Императора Николая II. Он знал Императора Николая с пеленок, может быть, поэтому он и был о Нем вообще минимального мнения.

Он Ему много читал лекций, но не знал, знает ли его ученик, что либо или нет, так как была принята система у ученика ничего не спрашивать и экзамену не подвергать. Когда я еще не знал Николая II, когда я только что приехал в Петербург и скоро занял пост министра путей сообщения и спросил Победоносцева: «Ну, что же Наследник занимается прилежно, что Он собою представляет как образованный человек?», то Победоносцев мне ответил: «право не знаю, на сколько учение пошло впрок».

Тогда же было решено, что не может оставаться министром народного просвещения ген. Глазов, который был министром народного просвещения только по «самодержавному» недоразумению или произволению. Я же тогда еще не решил, кто должен быть министром народного просвещения. Было решено также, что должен уйти Булыгин, министр внутренних дел, честный, прямой и благородный человек, бывший отличным губернатором, затем помощником Московского генерал-губернатора и назначенный министром внутренних дел вопреки своему желанно только потому, что Петербургский генерал-губернатор, а затем товарищ министра внутренних дел Трепов пожелал, чтобы министром был Булыгин, с которым он служил в Москве.

Трепов же пожелал иметь министром Булыгина для того, чтобы в сущности сделаться диктатором. Он и стал диктатором и способствовал окончательному доведению России до революции. Булыгин, как честный, уравновешенный человек, конечно, ужиться с дикими приемами своего товарища, а в сущности диктатора, не мог, а потому постоянно просился, чтобы его отпустили, но Государь, конечно, не отпускал, несомненно ценя в Булыгине свойства ширмы и только.

Затем было в принцип решено, что я могу привлечь на посты министров и общественных деятелей, если таковые могут помочь своею репутацией успокоить общественное волнение.

Итак, в ближайшие дни помимо меня последовал уход Победоносцева и Булыгина, а также ген. Глазова, который был назначен помощником командующего войсками московского военного округа, и одновременно последовало назначение князя А. Д. Оболенского обер-прокурором Святейшего Синода.

На следующий день я пригласить к себе представителей прессы, находя, что пресса может оказать наиболее существенное влияние на успокоение умов. Действительно, кажется, 19 октября утром, ко мне (на Каменноостровский пр.) явились представители большинства петербургских газет. Отчет об этом собеседовании появился на следующий день во всех газетах и с особою подробностью в «Биржевых Ведомостях», вероятно, потому что издатель и хозяин этой газеты, состоящей таковым и до сих пор, Проппер, преимущественно и даже почти исключительно говорил со мною от всей прессы в присутствии представителей почти всех газет. Пропперу никто из присутствующих не противоречил несмотря на крайние его взгляды в смысле революционном. Представители правых газет – «Петербургских Ведомостей» (кн. Ухтомский), «Нового Времени» (Суворин). «Света», «Гражданина» как бы молчаливым подтверждали, скажу откровенно, довольно нахальные в особенности по тону (свойственному образованным евреям, преимущественно русским) не то требования, не то заявления.

Представителями крайней левой прессы, кажется, «Богатства» делались заявления столь же крайние, но в устах их эти заявления были понятны, ибо они всегда составляли убеждения этих почтенных господ, да и тон их заявлений был другой. Иначе звучали заявления эти в устах Проппера, высказанные в весьма развязном тоне, того Проппера, который явился в Россию

из за границы в качестве бедного еврея, плохо владеющего русским языком, который пролез в прессу и затем сделался хозяином «Биржевых Ведомостей», шляясь по передним влиятельных лиц, того Проппера, который вечно шлялся по моим передним, когда я был министром финансов, который выпрашивал казенные объявления, различные льготы и, наконец, выпросил у меня коммерции советника.

Значит, действительно случилось в России и прежде всего в этом изгнившем Петербурге что то особенное, какой то особый вид умственного помешательства масс, коль скоро такой субъект заговорил таким языком, а остальные представители прессы или потакали ему или молчали.

Будущей историк удивительного периода истории русской жизни во время царствования Императора Николая, который пожелал бы ознакомиться с историей акта 17 октября, пусть обратится к отчету, появившемуся в газетах («Биржевые Ведомости») об сказанном собеседовании со мною представителей прессы (наверное, найдет в Публичной библиотеке). Конечно, эти отчеты очень произвольны и субъективны, но этот их характер еще более обрисовывает то психическое состояние русского общества, в котором оно находилось в октябрьские дни.

Что же собственно заявлял мне г. Проппер в присутствии представителей всей прессы?

– «Мы правительству вообще не верим». Согласен, что оно, когда начнет говорить о либеральных мерах часто не заслуживает доверия. Теперь Столыпинский режим это нагляднее всего показывает. Если будет когда либо издан сборник его речей в первой, второй и третьей Думе, то всякий читатель подумает, – какой либеральный государственный деятель, и одновременно никто столько не казнил и самым безобразным образом, как он – Столыпин, никто не произвольничал так, как он, никто не оплевал так закон, как он, никто не уничтожал так хотя видимость правосудия, как он – Столыпин, и все сопровождая самыми либеральными речами и жестами. По истине, честнейший фразер.

Но все-таки не Пропперу было мне после 17 октября заявлять, что он правительству не верит, а в особенности с тем нахальством, которое присуще только некоторой категории русских «жидов».

Затем г. Проппер заявил требование, чтобы все войска были выведены из города и охрана города была предоставлена городской милиции. Это, конечно, революционное требование. С моей точки зрения для лица, которому была вручена власть и которое и являлось ответственным за ее действия, такое требование было особенно не приемлемо, ибо, конечно, я отлично понимал, что если я это сделаю, то сейчас же начнутся в городе грабежи и убийства, что мне через несколько дней придется ввести в город войска и пролить кровь тысяч людей. Между тем, что я себе ставлю в особую заслугу, это то, что за пол года моего премьерства во время самой революции в Петербурге было всего убито несколько десятков людей и никто не казнен. Во всей же России за это время было казнено меньше людей, нежели теперь Столыпин казнит в несколько дней во время конституционного правления, когда по общему официальному и официозному уверению последовало полное успокоение. При этом казнит совершенно зря: за грабеж казенной лавки, за кражу 6 руб., просто по недоразумению и т. под. Одновременно убийца гр. А. П. Игнатьева и подобные преступники часто не казнятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.